

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 13

С приложением „Судебная практика“.

8 Апреля 1929 года

Купля-продажа земли и задачи органов суда и прокуратуры.

Рассматривая вопрос о социалистическом переустройстве сельского хозяйства, XV Съезд ВКП (б) в числе конкретных мероприятий по этому вопросу признал неотложным выработку и издание основных начал землеустройства и землепользования в общесоюзном масштабе. Потребность пересмотра существующего земельного законодательства и выработка новых общесоюзных начал слишком ясна. Темп развития сельского хозяйства чрезмерно отстает от темпа развития социалистической промышленности города, особенно в области зернового хозяйства. Поэтому необходимы новые принципы, гарантирующие реальную возможность быстрейшего подъема производительных сил деревни и обеспечивающие скорейшее улучшение благосостояния широких трудовых масс крестьянства.

Новые начала землепользования и землеустройства Союза ССР уже приняты сессией ЦИК СССР и опубликованы («Известия» № 292 от 15 декабря 1928 г.). Они обеспечивают возможность переустройства сельского хозяйства и лишней раз подчеркивают, что основой нашего земельного строя является национализация земли, т. е. отмена права частной собственности на землю и установление на нее «исключительной и государственной собственности Союза ССР».

Это значит, что вся земельная площадь у нас изъята из гражданского оборота, не может быть отчуждаема, т. е. не может быть предметом купли-продажи, запродажи, дарения, завещания, залога, самовольного обмена и т. п. Из этого вытекает, что отчуждение земли у нас делается беспредметным в силу самого закона о национализации земли (см. постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 24/XII 1924 г.—«Е. С. Ю.» № 1, за 1925 г.). Все такие сделки, в результате которых открыто или скрыто происходит отчуждение государственной земли, должны рассматриваться как подрыв национализации основных средств производства, и виновные в совершении таких прямо запрещенных законом сделок подлежат уголовному преследованию, как за тяжелое преступление, задевающее жизненные интересы рабочего класса и трудового крестьянства, подрывающее государственное плановое регулирование народного хозяйства в целом.

Из этого кроме того явствует, что после отмены права частной собственности на землю все без исключения граждане Союза ССР без различия пола, расы,

и национальности имеют право только на пользование землей: надел им отводится по норме в соответствующем месте под неперенным условием обработки земли личным трудом с допущением применения в хозяйстве наемного труда в том лишь случае, если все наличные трудоспособные члены данного хозяйства наравне с батраками принимают участие в работе хозяйства, при сохранении таким двором трудового строя. Никакие сроки для трудового использования земли закон не устанавливает, оно бессрочно и продолжается до тех пор, пока землепользователь продолжает вести трудовой образ жизни.

Такова установка земельных правоотношений, таково правовое положение землепользователя. Вся земля в пролетарском государстве национализирована и составляет социалистическую собственность рабочего государства, она изъята из общего гражданского оборота и не может быть предметом частно-правового акта, сделки; наделяются ею все граждане Союза ССР, но лишь на праве трудового пользования. В судебной защите в смысле охраны ее правового положения она не нуждается, за исключением случаев незаконного ее отчуждения (продажа, запродажа, дарение, завещание, см. тезисы т. Стучки «Гражданское право и практика его применения»—стр. 12).

Проводимое в селе социалистическое переустройство сельского хозяйства обострило классовую борьбу в деревне: кулацкие элементы, желая удержать в своих руках прежние позиции, всячески противодействуют мероприятиям социалистического строительства. Открыто и скрыто, где только это удастся, они используют в своих целях недостатки государственного аппарата: сельских советов, волостных исполнительных комитетов и земельных органов, извращают всюду, где это удастся, работу кооперативных организаций и т. д., и т. п. Содействуют им в этой вредительской работе культурная отсталость трудового крестьянства, весьма слабая их осведомленность о наших законах, отсутствие надлежащей связи низовой сети госаппарата с широкими массами крестьянства, преступная пассивность работников низового аппарата, в том числе суда и прокуратуры, а зачастую и прямая поддержка ими кулацких элементов деревни в деле закабаления и эксплуатации экономически слабого крестьянства. Сплошь и рядом работники сельсоветов, волисполкомов, земельных органов и нотариальных

контор, не только не отвергают открытую куплю-продажу кулацкими элементами национализированной земли, а наоборот, помогают им, свидетельствуя эти договоры и прикрывая незаконное отчуждение прав трудового пользования на землю продажей строений, незаконным обменом земельными участками, сдачей надела в субаренду и т. п. (массовая купля-продажа земли в Брянской губ.). Суд же и прокуратура, привлекая пока довольно слабо к уголовной ответственности непосредственных совершителей купли-продажи земли, оставляют в покое пособников этих преступлений, в том числе и работников нашего низового госаппарата. Этим и только этим объясняется распространение у нас купли-продажи земли.

Совершенно ошибочным мы считаем мнение о том, что причиной массовой купли-продажи земельных участков были голодные годы в прошлом и понимание «закрепления»... «как возврата или передачи в собственность» (см. статью «В обход закона» — «Известия» № 258 (3492) от 4 ноября 1928 г.). Бедняку-крестьянину, умиравшему в голодные годы из-за систематического неурожая, незачем было размышлять, как размышлял автор указанной статьи «В обход закона»: «Раз это моя собственность, принадлежит лично мне, то я, конечно, вправе ею распоряжаться, как мне угодно». В этом случае главную роль сыграли ростовщические аппетиты кулацких элементов деревни, с жадностью набросившихся, в ожидании возврата того, что никогда больше не вернется, на голодное несчастье малоимущих слоев деревни.

Наличие большого количества незаконных сделок, как следствие минувшего голода, было прекрасно известно всем еще в 1922 г. Однако, это не вызывало необходимости принятия таких мер, чтобы в результате незаконной купли-продажи земли виновные были привлечены к уголовной ответственности и посажены в тюрьму. На ряду со ст. 27 Зем. Код., перечисляющей все незаконные сделки с землей и указывающей на уголовную ответственность лиц, виновных в их совершении, Уголовный Кодекс вплоть до 1928 г. даже не содержал в себе ни одной статьи, на основании которой можно было применять карательную санкцию за эти преступления. Мы также не разделяем мысли и о том, что указанный пробел в законодательстве препятствовал проведению борьбы с массовой продажей земли, что он осложнял реальную борьбу с незаконными сделками с землей и т. д. (см. беседу с тов. Я. Бранденбургским — «Известия» № 258 (3492) от 4 ноября 1928 г.). — Дело в том, что само наличие в законодательстве подобного пробела лишний раз подчеркивает, что «количество еще не перешло в качество», что здесь нет момента, обуславливающего существование подобного факта.

Так оно и получилось на практике. Земельный Кодекс содержал указание на уголовную ответственность за куплю-продажу государственной земли, а Уголовный вовсе не предусматривал это деяние в качестве преступления. Это объясняется простым отсутствием общественно-опасного признака в определенный период времени, ибо нельзя допустить, чтобы Советская власть была так глуха к жизненным интересам рабочего класса и трудового крестьянства. Это положение подтверждается и постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 29 декабря 1924 г. (протокол № 22) «О квалификации нарушений 27 ст. Земельного Кодекса» («Е. С. Ю.», № 1 за 1925 г.), где сказано:

«разъяснить, что совершение сделок на землю с нарушением 27 ст. Земельного Кодекса по смыслу этой статьи в уголовном порядке не наказуемо (подчеркнуто мной Э. У.), если само заключение сделки не сопровождалось уголовно-наказуемым деянием (мошенничеством, спекуляцией и пр.)». И далее: «Если же суд установит, что это нарушение в конкретном случае является общественно-опасным или что оно злобно направлено против интересов трудящихся (систематическая скупка права пользования землей кулаком или бывшим помещиком и т. п.), суд может применить к этим преступлениям 10 и 136 ст. ст. УК (подчеркнуто нами Э. У.). Следовательно, в законодательстве «пробела», якобы мешавшего реальной борьбе с незаконными сделками с землей, не существовало еще в 1924 г., так как он был тогда еще восполнен указанным постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР. Однако, в то время мы почти не встречали судебных процессов о продаже государственной земли.

Лишь в результате общего под'ема сельского хозяйства, как в области зернового хозяйства, так и в области технических культур и животноводства, когда оно достигло и перешагнуло довоенный уровень валовой продукции, мы встречаем в деревне такие кулацкие махинации с землей, которые сосредотачивают в их руках большие участки земли, следствием которых является теперь существующая ст. 87 Уг. Код. и отмена указанного выше постановления Пленума Верховного Суда, в частности и замена циркуляра Верховного Суда № 24 от 16 июля 1924 г. циркуляром НКЮ и НКЗ № 121/237/33 от 28/X и 1/IX 1928 г. о переходе фруктовых садов и виноградников от одних пользователей к другим, коим продажа садов и виноградников по договорам землепользователей с публичных торгов запрещена и предложено виновных в совершении сделок по продаже садов привлекать к уголовной ответственности по ст. 87а Уг. Код.

Ст. 87а явилась в результате активности кулацких элементов в деревне.

Совершенно прав тов. А. Лисицын, когда он пишет в своей статье — «Вопросы национализации земли» («Е. С. Ю.» № 1 за 1929 г.), что в настоящее время, в виду распространенности всякого рода незаконных сделок с землей за прошлое время, до издания «общих начал» земельным и судебным органам необходимо в этом вопросе, не отделяясь обычными способами расследования тех отдельных дел, которые дошли случайно до нас, поставить перед собой задачи систематического изучения этого явления с точки зрения криминальной. Но тов. Лисицын далеко не прав, когда он предлагает нам изучить это же явление и со стороны того, какие причины способствуют распространению этого явления.

Какие причины возбуждают кулацкую жадность «пожирать» бедняцкие, пролетарские слои деревни нам давно известно. Процесс обострения классовой борьбы в деревне на почве социалистического переустройства сельского хозяйства на началах коллективной обработки земли и механизации сельского хозяйства; общий под'ем народного сельского хозяйства во всех отраслях, все возрастающая роль пролетарского государства в деле планового регулирования сельского хозяйства и, как неизбежное явление этого — быстрый темп роста социалистических элементов в селе и т. д.

«при некотором еще росте кулацкой группы за счет зажиточной части середняков» вызывает сопротивление этого кулачества, активизирует его, как в области политической борьбы, так равно и закрепления за собой экономических благ. Иная постановка этого вопроса—не марксистская и будет противоречить постановлениям XV С'езда ВКП(б). Нам необходимо изучить явление отчуждения прав трудового пользования, но, главным образом, с целью выявления самых методов, посредством которых кулачество осуществляет куплю-продажу земли; преградить ему в дальнейшем возможность скупать у бедняков землю. Дело, тов. Лисицын, не в том, что у нас плохие законы о регистрации сделок и нет «гибких правил» возмещения землепользователю за капитальные затраты, ибо всегда могут быть обойдены и самые лучшие законы, а дело в том, что наш аппарат продолжает оставаться засоренным чуждым советскому строю элементами. Что дадут вам прекраснейшие правила земельной регистрации и возмещения за капитальные затраты или даже широкие кредиты беднякам, если в сельском совете и волисполкоме иногда еще сидят люди, относящиеся к кулацким элементам деревни, люди, которые не только допускают по неосведомленности своим «собратьям» куплю-продажу земли, но сознательно эту продажу поощряют, прикрывают куплю-продажу земли другой разрешенной законом сделкой. Ровным образом, ничего! Это достаточно подтверждено обследованием тех органов, где эта купля-продажа уже избличена. Мы полагаем, что борьбу с этим злом нужно вести не изданием «хороших» и «гибких правил» земельной регистрации и возмещения за капитальные улучшения или широким кредитованием малоимущих слоев деревни» для выплат возмещений при переходе к ним земельных участков с находящимися на них капитальными сооружениями или с вложенными в землю капитальными затратами. Ничего подобного делать не следует. Наш Земельный Кодекс с многочисленными правилами Наркомзема уже до того разбух, что его не прочтет ни один крестьянин, он сплошь и рядом недоступен и народному судье. Его нужно сокращать и сокращать, делать простым, понятным для каждого крестьянина. Борьбу нужно продолжать с безотлагательной заменой авторов этих длинных правил и раз'яснений Наркомзема новыми работниками низового аппарата, проявившими себя в практической работе, а кончать жесткой чисткой всего низового госаппарата, привлекая к этой работе пролетарские слои деревни. Работа административного управления наших сельских советов и волисполкомов должна быть в корне изменена: сельсоветы и волисполкомы должны быть теми органами, через которые Советская власть в деревне проводит плановое регулирование сельского хозяйства; нужно добиться того, чтобы работники сельсоветов и волисполкомов вместо формального свидетельствования факта перехода прав землепользования от одного крестьянина к другому действительно и настоящим образом проверяли бы эту передачу с хозяйственной точки зрения, чтобы они в своей повседневной работе проводили идеи социалистического строительства — партии, внедряли в сознание крестьянина мысль о том, что, переходя к коллективным способам обработки надела, он, тем самым, является практическим участником социалистического строительства в нашей стране. Нуж-

но повести в деревне широкую, «раз'яснительную кампанию», показать широким массам трудового крестьянства, что скупка кулацкими элементами земли ведет к закабалению трудового крестьянина, что, карая кулака-скупщика земли, закон тем самым ограждает бедняка от кулацкой эксплуатации и т. д.

Итак, в результате постановлений XV С'езда ВКП(б) в Уголовном Кодексе появилась ст. 87-а, которая, подробно перечисляя все виды запрещенных сделок с землей, имеет в виду охрану основ национализации земли и возлагает на нас, судебных и прокурорских работников, новые обязанности. Эти задачи заключают в себе в первую очередь требование к судебным работникам в корне пресечь всякое незаконное отчуждение прав трудового пользования на землю, совершающееся хотя бы в прямой или скрытой форме путем купли-продажи, запродажи, дарения, залога, самовольной мены, под видом субаренды и т. п. методами. Эта задача сможет быть выполнена лишь в том случае, если прокуратура и суд энергично возьмутся за вновь порученное им дело. Такого сдвига мы еще в нашей работе не имеем: все дошедшие до нас случаи массовой купли-продажи земли были выявлены случайно, без всякой системы борьбы с нарушениями основ национализации земли; слишком мала цифра в 60.000 гектаров земли, отобранной у кулаков в результате незаконного отчуждения прав трудового пользования. Удесетерить ее мы сможем лишь тогда, когда судебные и прокурорские работники действительно и настоящим образом в своей работе свяжутся с сельсоветами, волисполкомами и земельными органами, с одной стороны, и с деревенскими, общественными организациями в виде комитетов крестьянской общественной взаимопомощи, комбедов и проч., с другой. Работа этих организаций в деле защиты интересов бедноты слишком слаба, и они сами сплошь и рядом, подвергаясь кулацкой эксплуатации, не возбуждают дела о расторжении кабальных и незаконных договоров. Связавшись с ними, прокурор будет иметь реальную возможность практической борьбы со всякими махинациями кулацких элементов деревни и осуществлять дело широкой правовой пропаганды законодательства, преследующего противозаконные и кабальные отношения деревни. Широкое ознакомление деревенской общественности с действительными мероприятиями Партии и Правительства в деле защиты трудового населения от кулацкой эксплуатации и не бюрократический подход в самой работе—лучшая гарантия того, что эта связь прокурора с деревенской общественностью будет обеспечена. Систематические выезды суда с прокурором на места и рассмотрение в самой деревенской глуши характернейших бытовых дел о кабальных сделках и о незаконной купле-продаже земли, самовольном обмене участками, субаренде и т. п. лишний раз проявит активность этих общественных организаций.

Практика разрешения подобных дел установила, что проводимая судебными и прокурорскими работниками линия борьбы с нарушителями законов о национализации земли неверна, слаба, что они до сих пор не выполнили директив XV С'езда Партии о всемерном укреплении основ национализации земли, о тяжком преследовании в уголовном порядке всех прямых и косвенных нарушителей и подрывателей осно-

вы этой национализации. Наряду с фактическими покупателями и продавцами государственной земли на скамье подсудимых должны сидеть и все те, которые прямо или косвенно подстрекали куплю-продажу, которые сознательно это допускали, регистрировали договоры и т. д. Эти недостатки в нашей работе должны быть нами осознаны и исправлены.

Все дела о таких нарушениях должны быть рассмотрены и разработаны вне очереди, по возможности приговоры о такого рода преступлениях должны выноситься на селе, на общем собрании селений и поселков с привлечением народных засадателей из граждан того селения, где произошла купля-продажа земли. Мероприятия эти должны проводиться систематически и везде нашими судебными местами. Только при этом условии мы выполним директивы Партии и выдернем с корнями все виды незаконного отчуждения прав трудового пользования.

Затем должен быть осуществлен сдвиг в сближении судебных и прокурорских работников с работниками сельских советов и волостных исполнительных комитетов, а также с работниками земорганов. Сельсоветы и волысполкомы в качестве хозяйственного надзора за правильным землепользованием своей посреднической роли с судебными и прокурорскими работниками не сыграли. Мы по своей линии тоже до сих пор не пошли им на встречу и не добивались осуществления этой посреднической роли, за исключением редких случаев; в этом нам должна принадлежать роль инициаторов. В отношениях с работниками земельных органов необходимо желать много лучшего: поскольку по линии законодательной не представлялось возможным добиться ликвидации излишних в судебной системе земельных комиссий с передачей народному суду разрешения вопросов права на землепользование с оставлением за органами НКЗ лишь технического землеустройства, необходимо поддерживать работу земельного суда путем наибольшего привлечения к этой работе органов прокуратуры и посылки в состав земельного суда народного судьи, чего до сих пор, как это показало обследование работы зем. комиссий, почти не делалось. Между тем, согласно ст. 211 Зем. Код. заседания земельных комиссий (краевых, областных, губернских, уездных и районных) считаются состоявшимися, если в этих заседаниях участвует народный судья.

В заключение остановимся на технической стороне вопроса. Дело в том, что на лишение права трудового пользования на землю лиц, виновных в совершении запрещенных сделок, содержат указания и ст. 87-а Уг. Кодекса и ст. 27 Зем. Код. Получается впечатление, что за одно и то же деяние будут решать вопрос о том, следует ли того или иного землепользователя лишить надела за куплю-продажу земли, два органа—уголовный суд и земельная комиссия.

Однако, такое разрешение вопроса неправильно. На основании ст. 87-а Уг. Код., лишение прав трудового пользования за нарушение условий ст. 27 Зем. Код. производится исключительно по приговору уголовного суда, который, вынося приговор, обязательно включает в меру социальной защиты и лишение обвиняемых земли, бывшей предметом незаконной сделки. Разрешению этого вопроса после оправдательного приговора и в Земельных Комиссиях недопустимо. Поэтому при обнаружении в практике подобных случаев с незаконными

сделками с землей все материалы должны быть направлены местному прокурору для привлечения как непосредственных участников таких сделок, так и их пособников к уголовной ответственности по ст. 87-а Уг. Код.

Если же выясняется вопрос о наличии незаконной сделки при рассмотрении в земельной комиссии спора о земле между одним или несколькими участниками незаконной сделки, то земельная комиссия на основании п. «д» ст. 113 ГПК приостанавливает производство и передает все материалы о противозаконной сделке местному прокурору.

Э. Удрис.

Существенные пробелы и кое-что на мотивы самокритики.

В № 1 «Е. С. Ю.» передовая статья посвящена программе журнала на 1929 год. Мы не считаем эту программу стройной и отвечающей всем актуальным задачам, предъявляемым местными работниками к руководящему их повседневной административной, общественно-политической и юридической работой единственному журналу.

Но в плане работ нашего журнала мы имеем несомненный сдвиг вперед в сторону охвата большего количества животрепещущих тем с уменьшением претензий на академичность, которая вообще безнадежна для ведомственного еженедельника; на наш взгляд, теоретические проблемы права не плохо ставит и освещает журнал «Революция права».

Справится ли редакция с выполнением возложенной программы покажет ближайшее будущее.

С своей стороны, мы считаем не лишним высказать несколько мыслей и пожеланий о содержании «Е. С. Ю.», мыслей, отнюдь не исчерпывающих недостатков его в прошлом и пробелов в программе на будущее.

Раньше всего надо упорядочить выпуск журнала.

Журнал намерен вести борьбу с бюрократизмом и волокитой в наших собственных рядах, в нашей судебно-прокурорской работе. Но делать это бюрократическим же путем—лишь помещением статей руководящих работников—это значит ничего в действительности не сделать. Только привлекая на страницы «Е. С. Ю.» голос нашей организованной общественности, мы сдвинем дело с мертвой точки, распространим достижения мест, сможем критически обсудить сомнительные предложения.

В недрах наших учреждений все больше завоевывают себе место в рационализаторских усилиях экономкомиссии и совещания. Отразить их работу, предложить планы, всю эту муку попыток родить новое, разумное, чтобы победить наши азиатские методы работы, наше неумение, косность—разве не стоит для этого уделить 1—2 страницы «Е. С. Ю.»? Развернуть критику мер, предлагаемых этими ячейками действительной общественности, призванными работать над уменьшением издержек производства и сокращением накладных расходов, и, наоборот, «крыть» администратора-бюрократу, мешающего развертыванию работ этих комиссий и совещаний, и без оснований отвергающего их разумные и целесообразные предложения—таково, по-моему, должно быть содержание этих страниц.

Вопрос о работе пленумов губернских, окружных и иных судов и соответствующих камерных прокурорских совещаний. Оправдали ли себя эти институты, не выхолащено ли их содержание, каковы практические результаты их работы? На эти вопросы мы не имели ответа или обмена мнений на страницах «Е. С. Ю.».

Между тем несомненно, что и здесь не все благополучно.

Пленумы судов нередко загромождаются мелкими делами, хотя и требующими рассмотрения в порядке надзора, но не представляющими никакого принципиального интереса. Не является ли мотовством сил и времени наших, и так в большинстве перегруженных до отказа, работников созыв их на такие пленумы? Нельзя ли внести изменения в «Положение о судостроительстве» и процессуальные кодексы о передаче рассмотрения протестов по таким делам президиума судов, вместо того, чтобы созывать 10—15, а кое-где и 20 и больше членов губсудов? Да, по секрету говоря, это фактически проводится уже и сейчас (Ленинград), и, по-моему, не плохо делается.

А как поставлена демократия на этих пленумах, не много ли вообще власти у председов по делам, входящим до пленумов, и не часты ли здесь «превышения власти»?

Какова плодотворность работ камерных совещаний, удачно ли подобраны повестки дня, существует ли какое-либо разумное руководящее указание, как их проводить? То, что мы знаем, склоняет нас к отрицательным ответам по этому поводу. Так напр., камерные совещания одной из крупнейших прокуратур — Ленинградской — ведутся безусловно бессистемно, организация их отвратительна, длятся они по 6—8 часов подряд, людей берут измором, практические предложения принимаются уже небольшой частью оставшихся и не успевших разбежаться, совершенно обалделых т.т., или сдаются в комиссию, и либо там сохраняются в маринаде, пока их на скорую руку не просмотрит и не утвердит облпрокурор единолично, либо о них просто забывают. Да больше того, мы недавно в той же Ленинградской прокуратуре имели случай, когда после семичасового «бдения» по отчету отдела суднадзора и содокладу ревизии, проявившая необычайную активность и точность избранная на камерном совещании комиссия, во главе с замом облпрокурора, проработала в составе пяти лиц целый служебный день. А результаты? Приняты камерным совещанием практические предложения комиссии? Вопрос наивен в наших условиях всевластия администратора: предложения не были даже доложены прокурорскому совещанию, так как они просто не понравились областному прокурору по одному ему ведомым причинам. Работа комиссии была в административном порядке аннулирована; вместо нее другая не создавалась; тор-

мозы в работе отдела не устранены; часы, затраченные двумя с половиной десятками прокуроров на совещании и потом пятью товарищами в комиссии, преступно растрачены.

«Есть в народе слух ужасный», что этого рода явления на камерных совещаниях не составляют специфической особенности одного только Ленинграда. Разве не надо деятельность наших пленумов и камерных совещаний отразить в «Е. С. Ю.», покритиковать их, хоть чуточку пустить туда больше демократии и уменьшить зажим, а потом и самому наркомату подумать о принципах их организации, методах и содержании работы?

В ноябре 1926 г. Ц. К. Партии вынес постановление о работе ячеек советских учреждений. В нем рельефно и точно сказано, что за работу учреждений отвечают в первую голову партадминистраторы, а во вторую — партийчики; больше того (привожу на память, но почти дословно точно), постановление подчеркивает, что возможен такой случай, когда за безобразную работу учреждения — волокиту, бюрократизм, бездушие, отсутствие борьбы за снижение расходов и т. п. — на ячейку в целом будет наложено партвызыскание.

Боюсь, что многие наши председатели судов и прокуроры — от краевых до окружных — не читали или позабыли основательно это постановление. Между тем последующие указания ЦК о том, что центр тяжести работы советских партийных ячеек должен быть перенесен на борьбу за совершенствование и орабочение госаппарата, да и развернутая самокритика всех наших недостатков требуют гораздо большего внимания к работе партийных коллективов и в наших органах.

Как идет проверка партийной общественностью основной линии работы администраторов, как ведется борьба с «отдельными конкретными носителями зла», в чем, как и правильно ли проявляется в этих основных для советских ячеек вопросах инициатива, активность и критическое отношение партийцев — всему этому, нам кажется, «Е. С. Ю.» должен уделить достаточное внимание. Нельзя отгораживаться китайской стеной академизма, в виде информации о работе научных институтов и обществ по теории права, от быстро текущей жизни, от потока общественной самостоятельности в практической работе наших учреждений.

Ленинградский областной комитет Партии предложил в июне 1928 г. прикрепить к ячейкам своих учреждений партадминистраторов, вместо широко практиковавшегося до сих пор состояния архивотчетственных т.т. в производственных коллективах. Эта разумнейшая мера, имеющая ту же задачу усиления партвливания, даже в том же Ленинграде в органах юстиции до сих пор не проведена. А как на этот счет

ОТ РЕДАКЦИИ.

С целью установить тесную связь и живой обмен мнений редакции с читателями и путем самокритики выявить недостатки журнала, в ближайшем номере будет помещена анкета о „ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЕ“.

обстоит дело в других городах, в частности в Москве и в самом Наркомюсте? Нельзя ли и по ведомственной линии легонько, не врываясь в сферу руководства местных парткомов, рекомендовать нашим предам и прокурорам не бежать от своих ячеек, хотя бы и для наилучших целей связи с партийцами на производстве, избрав для последнего иные способы (отчеты суда и прокуратуры на рабочих собраниях, вечера вопросов и ответов, выездные сессии, консультации, кружки нарзаседателей и обществ. обвинителей и т. п.).

Мы ждем отражения партийной жизни учреждений суда и прокуратуры на страницах «Е. С. Ю.».

Так, например, в Ленинграде еще в апреле 1928 г. состоялось объединенное собрание коллективов (ячеек) облсуда (и нарсудов) и прокуратуры, на котором обсуждался вопрос о проведении решений XV съезда в судебной практике. На собрании присутствовала пара сот партийцев, на нем разгорелись оживленные прения, в которых приняло участие человек двадцать, если не больше, в том числе пред. и зам. пред. облсуда, зам. облпрокурора, ряд низовых работников. Наметились две линии понимания вопроса об акцентировании на слове «революционная» в формуле «революционная законность», в пределах сопротивления напору частно-капиталистических элементов, стремящихся использовать далеко не совершенные нормы нашего права для удержания своих позиций в торговом обороте и иных отраслях народного хозяйства. Формула одного из выступавших т.т.—«первою мыслью советского судьи при гражданском споре должна быть установка на отказ в домоганиях нэпмана и кулака, для чего судья, однако, обязан найти обоснование в действующем законе» (цитирую на память, но точно передаю содержание и привожу почти дословно),—эта формула вызвала ожесточенные нападки. А между тем, на наш взгляд, она классово правильно отражает ту линию в гражданском процессе, которую должен осуществлять суд на ееодняшней стадии развития хозяйства советской страны и его социалистического сектора, в условиях провозглашенного Партией и осуществляемого государством планомерного экономического наступления на капиталистические слои города и деревни. Или на том же собрании чрезвычайной остроты достиг вопрос о «местных влияниях», о слабости судебной борьбы с бюрократическими извращениями госаппарата. Разве отражение в «Е. С. Ю.» такого собрания, поданное в виде сжатой и хорошо составленной статьи, не способно разбудить у сотен т.т. творческой мысли и критического отношения к генеральной линии Советской юстиции и повседневного ее практического осуществления на основе решений XV Съезда нашей Партии?

Накопец, по организационным вопросам и по вопросу об освобождении органов юстиции в конкретных уголовных да и гражданских делах от так называемых местных влияний. Мы имеем по этому поводу статьи т. Трасковича, ответ ему т.т. Нехамкина и Дубровского, какую-то не совсем внятную статью т. Витбаума и еще одного-двух т.т. По совести говоря, у нас, местных работников, все эти пышные (имея в виду «фигуры» их авторов) выступления произвели впечатление на тему—«милые бранятся, только темяться».

Таковы отдельные мысли по вопросам, которые по-нашему мнению должны найти освещение на страницах «Еженедельника» с огромной пользой для организации работы, правильного руководства ею и настойчивого проведения директив партии и правительства всеми органами юстиции. Кто думает иначе, кто боится гласности и критики, тот безнадежен, как полезная единица в нашей борьбе и стройке и того, рано или поздно, сотрут в порошок жернова самокритики.

В. Брук.

К пересмотру Гражданского Кодекса¹⁾.

Необходимость коренного пересмотра ныне действующего гражданского законодательства вряд ли вызовет у кого-либо из судебных работников сомнения именно потому, что Гражданский Кодекс нынешней редакции во многом отстал от жизни и потребностей нашего государства, как вследствие происшедших изменений в различных отраслях хозяйства, так и классовых соотношениях в городе и в деревне.

После периода военного коммунизма к моменту издания Гражданского Кодекса хозяйственный и торговый оборот страны только зарождался, а вопрос о плановости хозяйства был в зачаточном состоянии, поэтому в ГК большей частью включено отражение буржуазного права, основанного на «равном эквиваленте» (Маркс) и исключением этому являются отдельные редкие статьи (1, 4, 155, 156, 406, 411 ст.ст. ГК). В данное же время не только деятельность государственных и кооперативных предприятий подчинена общему государственному хозяйственному плану, но и частное хозяйство начинает постепенно включаться в этот общий план, примером к тому служит контрактация посевов, закупка хлеба на корню, а также развитие колхозов и кооперативных объединений вообще, вследствие чего принцип «равного эквивалента», как правильно указывает тов. Стучка, должен быть отодвинут, по крайней мере, на второе место, а на первом, как основной принцип в ГК нужно ввести твердую защиту трудящихся, чтобы в гражданском праве классовая сущность нашего советского государства была ясна. Кроме того, ГК должен быть больше увязан с системой социалистического хозяйства и плановостью, которая, в свою очередь, на основе роста социалистического сектора должна ввести в русло общего плана и частный сектор.

Хозяйственное развитие страны с 1922 г. к настоящему времени далеко шагнуло вперед, что естественно вызывало необходимость, в развитие Гражданского Кодекса, издания целого ряда разъяснений и дополнительных законодательных актов, а это в практике создавало трудность в усвоении гражданских законов в особенности низовым работникам суда и прокуратуры, зачастую выдвинутым на эту работу без особой подготовки. Теперь для устранения отмеченных недочетов мы имеем достаточно опыта и практики и гражданское законодательство может быть составлено в полном соответствии с теми принципами развития народного хозяйства, которые заложены в системе нашего государства.

¹⁾ Помещая статью т. Санникова, редакция открывает дискуссию по вопросам пересмотра Гр. Кодекса. Редакция.

Переходя к вопросу, каким должен быть новый Гражданский Кодекс, нам думается, что ни в коем случае нельзя допустить в какой-либо мере расширения прав для буржуазии, в этой части, наоборот, нужно отменить всякие попытки и возможности к расширению прав частника, а такие возможности при данной редакции Гражданского Кодекса есть, что иногда болезненно отражается на хозяйственных мероприятиях. Примером тому ст. 1 и 4-я ГК, где говорится, что «законом не охраняются права, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением», а как быть, если права осуществляются в противоречии с общим планом хозяйства? Такой вопрос был вызван необходимостью расторжения арендных договоров на товарные мельницы с частными арендаторами в прошлую хлебозаготовительную кампанию, не находя твердого ответа в Гражданском Кодексе, судебные и прокурорские работники оставались в перешителности, что вызвало целый ряд проволочек и неправильностей по этому рода делам, зачастую на пользу частнику. Точный ответ на этот вопрос должен быть дан в ГК в том смысле, что осуществление прав, идущих в противоречии с директивами планирующих и регулирующих торговлю и промышленность органов, также не может быть охраняемо законом.

Большое значение в нашем ГК имеет ст. 30 ГК, должностная отметить всякие попытки частного капитала использовать предоставленные гражданские права в ущерб государству. На практике, однако, часто признается лишь материальный ущерб, причиненный в момент заключения сделки, устраняя применение 30 ст. ГК в случае причинения государству политического ущерба, т.е. того, что при плановом хозяйстве возможны изменения конъюнктуры хозяйственного оборота страны. В этих случаях нельзя допускать обогащение частника, а нужно предоставить возможность расторжения договоров государства с частными лицами даже в процессе их исполнения. Теперь нечего бояться того, что это может явиться для частных лиц известным пугалом, ибо у государства в данное время достаточно звеньев в хозяйственном обороте для замены могущего образоваться пробела.

Категорически не допуская расширения прав для буржуазии, нужно расширить возможность по Гражданскому Кодексу защиты классовых интересов трудящихся, для чего при долевой и солидарной ответственности по всем обязательствам и договорам, учитывая имущественное положение участников обязательства, определять не равные доли, а в зависимости от их имущественного положения, как это допускается в настоящее время по делам, вытекающим из причинения вреда (разъяснение Пленума ВС от 21 мая 1928 г. и ст. 411 ГК). Кроме того, при удовлетворении претензий нужно ввести категории с тем, чтобы трудящиеся не только по зарплате, но и по всем взысканиям могли получать преимущественно перед претензиями нэпмана и кулака. Борьба с ростовщичеством в деревне, выражающимся в виде дачи кулаками бедняку займы хлеба, семян на обсеменение, снабжение сельскохозяйственным инвентарем на явно невыгодных для последнего условиях, что, в конечном итоге, закабалает бедняка и дает возможность дальнейшего экономического роста кулака, замедляется в большей степени вследствие недостаточно ясно классово-выраженного изложения этого вопроса в Гражданском Кодексе. Нужно показать классовое лицо этого вопроса

и признавать кабальность только по отношению к трудящимся, а для деревни особо указать отдельные случаи и виды сделок, влекущих применение кабальности.

Касаясь вопроса изложения ГК, нужно иметь в виду, что им руководствуются и применяют на практике лица, не искушенные в юридических понятиях, а потому избежать применения ряда никому не нужных юридических терминологий и заменить их русскими словами. Помимо того, на практике много путаницы вносит целая серия различных названий, а по своему содержанию сходных между собой договоров, например поставка и купля-продажа, поручение и комиссия. В этих случаях нужно дать один тип договора и одно понятие. Расположение разделов должно быть систематизировано с устранением повторений одного и того же факта, что часто встречается в действующем ныне ГК, например, о представителях разбросано в нескольких статьях по разным разделам (ст. 16 субъект прав., 38, 39 и 40 сделки и 264—275—доверенность), поэтому все, касающееся представителей и выдачи доверенностей, целесообразнее включить в раздел о лицах. Договор комиссии в раздел о поручениях и т. п. Вопрос о сроках также должен быть упорядочен; вместо целого ряда сроков, исчисляемых днями, месяцами и годами нужно ввести не более четырех сроков, определяющих общую давность, кратких сроков по недостаткам при купле-продаже, подрядах и иных договорах и затем более длительный срок по облигациям выигранного займа, разделе двора, а также вытекающих из патентного и авторского права.

Тема затронутого вопроса настолько велика, что все вопросы, связанные с пересмотром гражданского законодательства, возможно охватить только рядом статей, для чего необходимо в нашей юридической печати открыть широкую дискуссию, опыт в этом при пересмотре Кодекса о браке и УПК дал положительные результаты; поэтому желательно было бы работу комиссий по пересмотру ГК периодически освещать в «Е. С. Ю.»; а тогда работники мест смогли бы дать практические указания с тем, чтобы Гражданский Кодекс в новой редакции мог соответствовать принципам развития нашего народного хозяйства и по своему содержанию был бы понятен трудящимся массам.

С. Санников.

г. Ростов-на-Дону.

Признание, как судебное доказательство в гражданском процессе¹⁾.

Вопрос о признании, как судебном доказательстве в гражданском процессе, неразрывно связан с общей проблемой свободы сторон в распоряжении их правами и интересами, а потому имеет социально-политический интерес.

Со значением признания, как судебного доказательства, мы встречаемся на самых ранних ступенях развития права. Так, в основу деления римского гражданского процесса на две стадии, а именно: если ответчик иск признавал, то судебный спор оканчивался в первой его стадии без вынесения судебного решения.

¹⁾ Печатается в порядке обсуждения. Редакция.

По признанному ответчиком иску выносить судебное решение тогда считалось излишним, вследствие того, что на процесс стороны приносили спорную вещь с собой, которую истец просто уносил с собой, если ответчик признавал иск, или против такового не возражал, в случаях же неуплаты денежного долга, признанного ответчиком, истец получал право на самую личность должника, которого мог продать в рабство или убить, а несколько кредиторов имели право разорубить должника на части.

Во вторую стадию процесса спор мог перейти по просьбе истца лишь в том случае, если ответчик возражал против иска, тогда уже рассматривались фактические данные, приводимые сторонами, и выносилось судебное решение. С течением веков такое деление процесса на две стадии исчезло и все законодательства восприняли от римского права единый гражданский процесс, сохранив за признанием значение основного судебного доказательства, при чем арест должника, как средство удовлетворения требований кредиторов, постепенно уступил место другой форме ликвидации задолженности, а именно продаже имущества должника, оставшись в виде исключительной меры только в случаях несостоятельности. Наш ГПК вовсе не допускает воздействия на личность должника, за исключением случаев привода ответчика по постановлению суда в делах об алиментах и зарплате (ст. 101).

Перечисляя в гл. XV виды судебных доказательств, ГПК признания не предусматривает, чем значительно отличается от буржуазных законодательств и дает основание некоторым авторам утверждать, что признание по нашему ГПК судебным доказательством не является. Однако, с этим утверждением согласиться нельзя ввиду наличия ряда статей нашего процессуального и материального гражданского права, которые придают признанию столь решающее значение, что его роль, как судебного доказательства, является очевидной. Так, ст. 187 ГПК устанавливает немедленное исполнение решения по искам, признанным ответчиком при разборе дела на суде целиком или в части, соответствующей признанию, вследствие чего, как это видно из ст. 18 ГПК, признание в тексте судебного доверенности не предусматривается, а должно быть особо оговорено доверителем.

О признании, как об одном из видов установления гражданско-правовых отношений, упоминает и наше материальное гражданское право, которое в ст. 50 ГК РСФСР говорит, что исковая давность прерывается совершением со стороны обязанного лица действий, свидетельствующих о признании им долга. В такой форме признание играет основную роль как в вещном праве, так и в сделках между отсутствующими. В трудовом праве мы находим правило, установленное разъяснением Пленума Верхов. Суда от 20 I—26 г. («Суд. Пр.» № 13—14 за 1927 г.), что суммы, добровольно выплаченные рабочему или служащему, т. е. признанные работодателем, по трудовому договору обратному взысканию не подлежат. Признание имеет решающее значение и в семейном праве при установлении отцовства. Во всех этих случаях признание, конечно, будет иметь для суда силу судебного доказательства.

Австрийский уст. гр. суд. весьма подробно останавливается на самой формулировке признания, различая признание положительно выраженное и молча-

ливое. Дореволюционный русский уст. гражд. суд. такого разграничения понятия признания не предусматривал, но сенатская практика устанавливала правило, что, если в подготовительных бумагах или устном состязании только некоторые обстоятельства или требования оспариваются, а другие обходятся молчанием, то суд может признать их неоспоренными, а потому признанными.

Объяснение понятия признание в нашем действующем процессуальном праве мы не находим, но косвенный вид признания, известный и другим законодательствам, мы имеем, а именно ст. 187-а ГПК РСФСР дает суду право допустить немедленное исполнение по решениям, основанным на документах, хотя и не удостоверенных нотариально, но признанных ответчиком, если отсутствие нотариального удостоверения не влечет за собой недействительности этого документа в силу закона. Это признание является косвенным потому, что относится не к самому иску, а лишь к тому документу, на котором основан иск. Вполне понятно, что в таких случаях суду приходится определять, насколько это признание документа подтверждает правильность заявленных истцом требований и, в зависимости от этого, допустить или нет немедленное исполнение решения по делу. Суд может, при этом, истребовать от истца обеспечение обратного требования на случай отмены решения.

Что касается вопроса о возможности отказа стороны от сделанного ею признания, то действующий ГПК на этот вопрос не дает положительного ответа. По дореволюционному уст. гр. суд. признание могло быть опровергнуто только в том случае, когда оно относилось не к личным действиям признавшего и когда он мог, при этом, доказать, что был введен в заблуждение незнанием обстоятельств, открывшегося лишь впоследствии (ст. 481).

Если, например, ответчик признал долг своего предшественника (наследодателя), а затем находил расписку об уплате им долга, о котором ранее не знал, или признавал факт принятия своим доверенным товара, а затем получал известие, что товар этот погиб в пути, то он мог опровергнуть свое признание.

Хотя такого правила наше процессуальное право не содержит, но с точки зрения ст. 251 ГПК перечисленные случаи, конечно, могут служить и у нас поводом к пересмотру решения по вновь открывшимся обстоятельствам и, таким образом, učinенное стороной признание будет опровергнуто, так как открытие обстоятельств, имеющих существенное значение для дела, которые не были и не могли быть известны заявителю, является на основании п. «а» вышеуказанной статьи поводом к пересмотру решения.

Признание истцом доводов ответчика обычно выражается или в форме отказа от иска или в форме простой неявки истца в суд. По этому поводу цирк. Верхов. Суда № 7 за 1925 г. («Е. С. Ю.» № 6) разъяснил, что отказ от иска лишает истца права вновь обратиться по тому же иску в суд, а Пленум Верхов. Суда, что означенное правило не распространяется на случаи прекращения дела вследствие неявки сторон по ст. 100 ГПК («Суд. Пр.» № 5, стр. 2 за 1928 год).

Резюмируя все вышеизложенное, прихожу к выводу, что признание, как судебное доказательство, играет в нашем праве весьма существенную роль,

а потому отсутствие в ГПК прямого указания на то, что признание является судебным доказательством, надо считать пробелом законодательства, который необходимо восполнить во избежание сомнений, а также уточнить и развить как самое понятие признания, так и вытекающих из него последствий.

Ст. 2-я ГПК, устанавливающая контроль судов над отказом стороны от принадлежащих ей прав и судебной защиты, а также ст. 119-я, относящая к компетенции суда вопрос о признании того или иного доказательства существенным для дела, являются вполне надежной гарантией допущения этого вида судебного доказательства в наших судах в интересах социального строительства.

Л. Егоров.

Женщина-националка в свете бытовых преступлений.

После похищения женщин¹⁾ вторым по распространенности бытовым преступлением, идущим по линии нарушения женских прав, является калым, который нужно причислить к разряду наиболее социально-опасных из всех бытовых преступлений, поскольку он (калым), с одной стороны, в сильнейшей степени ослабляет крестьянское хозяйство, с другой—как акт купли-продажи, в резкой форме задевает достоинство женщины и наконец, с третьей—провоцирует молодежь во многих случаях на совершение преступлений с целью изыскания средств для выкупа невесты.

Происхождение калыма относится к тем историческим временам, когда труд женщины стал играть большую роль по хозяйству. Для того, чтобы компенсировать потерю с выходом замуж этой драгоценной рабочей силы, родители невесты или заменяющие их лица стали устанавливать соответствующий ценности невесты, как рабочей силы, выкуп, или то, что впоследствии получило название калыма. Таким образом, калым—это капитализированная цена рабочей силы, рабочих рук, потерянных для данного хозяйства.

По отношению ко всем бытовым преступлениям, нарушающим права женщины за 1926 и 1927 г. (155), калым составляет 27% или 43 правонарушения, которые по отдельным автономным областям распределяются таким образом: в Ингушетии—48,5%, в Кабардино-Балкарии—20,9%, в Адыгее—11,6%, в Карачае—9,3%, в Черкессии—4,6%, в Ойратии—2,3% и в Северной Осетии—2,3%.

О разрушительном действии института калыма могут свидетельствовать следующие примеры: в Кабардино-Балкарской области размер калыма представляет такую прогрессивно-возрастающую в зависимости от «ценности» невесты формулу: 1) одна лошадь; 2) один бык; 3) 60—70 руб. деньгами; 4) 2 быка, 2 коровы, 1 лошадь; 5) 9 голов крупного скота; 6) 100 руб. деньгами и 1 лошадь; 7) 500 руб. деньгами, 1 лошадь и седло. В Калмыцкой области калым уплачивается иногда в такой форме: 40 руб. деньгами, 5 четвертей вина, 2 плитки калмыцкого чая и 156 бутылок русской подки²⁾. В некоторых районах калым носит характер столь высокого и непосильного для крестьянской эконо-

мики накладного расхода, что местные советы берут на себя своеобразные функции регулятора и своего рода «рационализатора» путем создания особых такс. Согласно одной из таких такс, разработанной сельсоветом аула Отемьш Кайтаго-Табасаранского округа, Дагестанской автономной обл.¹⁾, все женщины расцениваемые, как «брачный товар», разбиваются на 4 категории: 1) за девушку молодую, красивую из зажиточной семьи калым уплачивается в размере 300 руб.; 2) за девушку из бедной семьи или сироту—150 руб.; 3) за молодую вдову или разведенную—100 руб.; 4) за вдову или разведенную средних лет—150 руб. Этот «нормированный» калым в состоянии дать некоторое представление о том, насколько же в действительности обременителем для экономики местного крестьянства калым тогда, когда он определяется по законам свободных «калымно-рыночных» отношений.

С течением времени калым начинает постепенно видоизменять свою форму под влиянием моментов экономики и культурного развития национальностей. Так, напр., в Северной Осетии размер калыма еще задолго до революции выражался в сумме от 300 до 500 руб., причем основная масса калыма выплачивалась деньгами, остальная натурой—скотом, обстановкой. Существовавший в таком виде в течение долгого времени калым стал незаметно эволюционировать и к настоящему моменту в чистом виде выпал из сферы общественно-брачных отношений, замаскировавшись в следующей форме: родители невесты представляют жениху стандартизованный список предметов (кровать, гардероб, зеркало, швейная машина, постельные принадлежности, гарнитуры белья, платья и пр.), приобретение которых является предпосылкой оформления брака. Помимо этого, на жениха ложится обязанность оплаты свадебных расходов. Общая ценность этого предсвадебного стандарта составляет сумму не менее 300—500 руб., т.е. калым, проделав определенную фазу развития, благополучно реставрировался в нетронутым по существу виде.

Указанные выше 43 калымных дела, которые сделались предметом расследования органов юстиции, получили такое направление: 32 д. или 74,4% направлены на прекращение, по 6 д.—14%—вынесены оправдательные приговоры, по 2 д.—4,6%—присуждены уголовно, реальные же меры социальной защиты в виде лишения свободы и принудработ вынесены только по 3 д.—6,9%.

По отдельным автономным областям % прекращения и оправдания дает такую картину: в Ингушетии из числа 21 дел прекращено 15 или 71%, оправдано по 2 делам—4,5%, условно по 2 д.—4,5%, в Кабарде—из 9 дел прекращено 6—66%, оправдано по 2 д.—22%, в Адыгее из 5 д. прекращено—4, оправдано по 1 д., в Карачае все 4 д. прекращены, в Северной Осетии—1 д. прекращено, в Черкессии—2 д. прекращены, в Ойратии—1 д.—оправдательный приговор. Эти цифры говорят, что 93% калымных дел проходят вне всякого воздействия регулирующих начал судебных органов, и таким образом, калым, при наличии уголовных санкций в нашем законодательстве, фактически расценивается населением, как ненаказуемое действие, что является одной из причин его широкого фактического распространения.

¹⁾ См. статью т. Дигурова в № 12 «Е. С. Ю»

²⁾ Д. по иску Авгаева с Тагардавым.

¹⁾ Из материала обследования т. Штейнберга Е. Л., сотрудника научной ассоциации востоковедения.

Основной причиной массового прекращения и оправдания по калымным делам послужило весьма неудачное определение статьи о калыме, однородной для всех автономных областей и республик. По этой статье предпосылкой наказуемости уплаты калыма являлся тот случай, когда калым устанавливал против воли невесты обязательство выдать ее замуж за жениха, уплатившего калым. Таким образом, по этой статье получалось так, что уплата калыма, при несогласии невесты выйти замуж, была уголовно-наказуемым явлением и ненаказуема при согласии невесты, а в результате, поскольку число браков при наличии согласия (правда, часто формального, вынужденного) невесты несравненно больше браков по принуждению, оказалось, что калым фактически был легализован законодательным путем. Калым в том виде, в каком он фактически существовал, вызывал к себе резко отрицательное отношение со стороны наиболее передовых слоев трудящихся автономных образований и в особенности женщин, в силу чего калымная статья в вышеуказанной редакции была чрезвычайно неудачным определением этих общественных настроений и должна была по этой причине явиться источником глубокого противоречия: в то время, как органы дознания, следствия и прокуратуры были вынуждены под давлением общественного мнения, с одной стороны, возбуждать по калымным делам уголовное преследование, эти же самые органы вместе с судами, руководствуясь формальным содержанием закона, направляли указанные дела по линии прекращения или оправдания.

Несомненно, что путем введения калымной статьи, наш законодатель имел в виду создать такие условия, которые облегчали бы женщине возможность свободного заключения брачного союза, но в несравненно большей степени этой же задаче, наряду с предупреждением возможности разорения крестьянского хозяйства, отвечало бы издание такой статьи, по которой уплата калыма определялась бы, как уголовно-наказуемое действие, сама по себе безо всяких условий. В последующем вышеотмеченные недостатки калымной статьи были учтены и уже согласно утвержденной сессией ВЦИК X гл. УК (о преступлениях, составляющих пережитки родового быта) наказуемым является один факт уплаты калыма. На практике при применении новой статьи к конкретным случаям могут иметь место со стороны отдельных судебно-следственно-прокурорских работников попытки толкования этой статьи в том смысле, что не может быть наказуема уплата калыма там, где последний поступает на усиление хозяйства новобрачных. Подобное толкование было бы оспорено на явно неправильной предпосылке: факт поступления калыма в хозяйство новобрачных (при условии его доказанности, ибо, как общее правило, основная часть калыма остается в руках родителей невесты или заменяющих их лиц, но об этом ниже) не является еще фактором, укрепляющим и стимулирующим развитие этого хозяйства, имея в виду, во-первых, то обстоятельство, что жених и его родные для выплаты калыма сплошь и рядом вынуждены занимать у деревенских кулаков на архиростовщических процентах соответствующие суммы, необходимость возвращения которых тяжелым бременем ложится на его хозяйство, во-вторых, многие из предметов калымного стандарта (различные серебряные и золотые украшения вроде поясов, нагрудных крючков и т. д.) не являются предметами первой необходимости или про-

изводственно-полезными для хозяйства и последнее могло бы обойтись без них без всякого для себя ущерба. Но решающим фактором, исключаям возможность перехода калыма в хозяйство новобрачных, является причина, лежащая в основе происхождения калыма и заключающаяся в необходимости компенсации хозяйства за потерю рабочей силы. В силу последнего соображения калым на известной стадии развития данного общества предназначается к поступлению и, как общее правило, действительно поступает в хозяйство родителей невесты, иначе калым перестанет быть калымом. В дальнейшем, по мере развития и углубления моментов экономического и культурного порядка, при вспомогательном соучастии и помощи мер судебного воздействия, будет постепенно создаваться почва для изжития калыма, и наступит период, когда общество на иной высшей стадии развития не будет знать ни калыма, ни других задерживающих его развитие пережитков. То обстоятельство, что известная часть калымного стандарта передается родителями в хозяйство новобрачных, не колеблет вышеприведенного положения, поскольку эта часть незначительна и состоит обычно из предметов личного потребления и обихода невесты (белье, платье, кровать, шкаф и пр.) и поскольку стоимость этой части учитывается при определении размера калыма.

Наконец, сторонники ненаказуемости калыма, при условии поступления его в хозяйство новобрачных, исходящие из соображений вредности резких методов борьбы с бытовыми явлениями и считаящие на основе уважения и учета местных обычаев и особенностей наиболее правильным предлагаемый ими метод борьбы, недооценивают или, вернее, упускают значение трех следующих основных факторов:

1. Почва для постановки резких методов борьбы с калымом подготовлена до известной степени особенно среди молодежи обоего пола за период существования советской власти. На скорейшее изжитие калыма трудящиеся пойдут без большого труда, поскольку в сущности каждая семья может оказаться в положении дающего и принимающего калым.

2. Поскольку калым есть цена женщины, как рабочей силы, а следовательно и как товара (что подтверждается обычно происходящим, весьма оживленным, длительным и упорным торгом о размерах калыма между представителями сторон жениха и невесты, причем стороны нередко расходятся для того, что бы вновь собраться продолжать прерванные из-за неудачи переговоры, точь-в-точь как это делают заправские купцы при заключении сделки на ходовой товар) и поскольку, таким образом, женщина является здесь прямым объектом торговой сделки¹⁾, пушно притти к единственному выводу: калыму, в сильнейшей степени препятствующему или, вернее, исключаящему возможность полного раскрепощения женщины, не место при диктатуре пролетариата на 12 году существования советского государства, и ему должна быть объявлена всеми элементами советской общественности решительная борьба методами прямого действия.

¹⁾ В харчевнях Казахстана и др. национальных республиках до недавнего времени спекулянты спрашивали друг друга: «Какая сегодня цена на хлопок, на шелк, на шерсть и на женщин? (Из речи т. Нухрат на 2 сессии ВЦИК XIII созыва). Судебные бумаги часто посетит заявлениями: «Отец продал дочь за корову с теленком, такой-то купил жену» (Оренбургский губсуд).

3. Формула: «Непознаваемость уплаты калыма при условии поступления его в хозяйство новобрачных или на покрытие расходов по свадьбе» — чрезвычайно затрудняет борьбу с калымом и фактически делает его таким же безнаказанным, как это имело место при действии старой калымной статьи, по той простой причине, что в случаях оставления калыма в хозяйстве родителей невесты, особенно там, где калым вносится деньгами, будет трудно установить этот факт, поскольку все имеющие непосредственное отношение к даче и принятию калыма привлекаются к уголовной ответственности. Несомненно одно, что вышеуказанная формула, при проведении ее в жизнь, выпудит сторонников калыма перестроить фронт в форме замены натурального калыма калымом в денежной форме с целью затруднить возбуждение уголовного преследования. Что касается свадебных расходов, то эта формула настолько гибка и растянжима, что получивший калым всегда сумеет отговориться ссылкой на израсходование калыма в связи с устройством свадьбы (угощение, подарки).

Для иллюстрации калыма, как социально-опасного бытового явления, в сильнейшей степени осложняющего перспективу раскрепощения восточной женщины, приводим следующие факты, имевшие место в практике нарсудов Ингушской автономной области: 1) Некто Бадургов Э., будучи в гостях в одном доме, попросил находившуюся в этом доме девицу Базиеву П. постирать его носовой платок. В платке оказались 5 руб. денег, которые девица хотела вернуть Бадургову, но последний отказался их принять, заявив, что деньги даны ей в виде калыма и в силу горского адата (обычая) она обязана выйти за него замуж, при этом он предупредил, как ее, так и родственников, что в случае выхода ее замуж за другого, он лишит жизни ее отца, брата и других родственников. 2) В 1922 г. учитель Дарчиев Э. просватал дочь свою Хамисат против ее воли за Хадиева И., получил от последнего в виде калыма 2 быков и 1 корову. Несмотря на это, Хамисат не желала выйти замуж за Хадиева, но в то же время она не могла выйти замуж и за другого, ибо отец ее не хотел из жадности возвращать калым жениху, а при наличии невозвращенного калыма, создавшего обязательство выхода замуж за Хадиева, ни один жених по обычаю ингушей не осмелился бы сделать ей предложение. Такое положение тянулось с 1922 г. до 1926 г., когда Хадиев был привлечен к ответственности по обвинению в принуждении Хамисат к выходу за него замуж (вместо одновременного привлечения и за дачу и принятие калыма как отца Хамисат, так и ее жениха) и нарсуд не нашел ничего лучшего, как вынести оправдательный приговор. 3) Фарзет Камарзоева в 1925 г. вышла замуж за Малароева добровольно, но против воли родителей и 2 своих братьев. Малароев соглашался уплатить последним калым в размере нормы, установленной с'ездом советов Ингушетии в 1925 г., т.е. 100 руб. и 2 баранов, но родители и братья Фарзет требовали, кроме того, передачи верховой лошади с полной серебряной седловкой, грозя в противном случае отказать в согласии на оформление брака, что считалось обязательным по ингушскому обычаю. Когда жених отказал в передаче лошади, с ним сыграли такую историю: с целью, якобы, примирения он был приглашен в сел. Насыркорт и в его отсутствие братья похитили свою сестру (жену Малароева) и сосватали

ее за гр. Евлоева, получив с него в счет калыма 100 р. Только в результате вмешательства прокуратуры был положен конец этой возмутительной выходке, Фарзет возвращена в дом своего мужа, а против ее братьев хотя и было возбуждено в нарсуде 3 уч. уголовного дела, но закончилось оно обычным прекращением.

В целях борьбы с высоким размером калыма, в некоторых случаях само население берет на себя явным порядком функции центральных законодательных органов. Так, напр., один из областных с'ездов советов Ингушетии вынес постановление о стабилизации калыма в размере 100 руб. и 2 баранов, причем это постановление фактически превратилось в законодательную норму, которой руководствовались до последнего момента органы юстиции, начиная от следователя и кончая судом и прокуратурой. Так, по делу Исмаилова А. и Вельхиева Т., обвиняемых в даче и принятии калыма, нарследователь так мотивирует свое постановление о прекращении этого дела: «Рассмотрев дело, нашел, что произведенным следствием не установлена дача калыма сверх установленного 100 руб. и 2 баранов, а потому. . .» и т. д. Это постановление нарследователя санкционируется нарсудом при благосклонном содействии присутствовавшего в распорядительном заседании п/прокурора, как представителя революционной законности. Тенденция к борьбе с калымом проявлялась не только с пизов, с народных масс, но шла также и сверху по линии административно-советской, доказательством чего служит, напр., факт привлечения 24 августа 1925 г. по инициативе председателя Балкарского окрисполкома к уголовной ответственности одновременно 82 граждан за дачу и принятие калыма.

Следующий случай красноречиво свидетельствует о том, как иногда представители революционной законности своеобразно определяют эту последнюю и свое отношение к ней. Председатель исполкома Горного округа (Ингушская авт. обл.) 29/IV 1925 г. получает следующее предписание от старшего следователя областного суда: «По имеющимся сведениям родственники гр. сел. Датых Хамисат Цороевой, вышедшей добровольно замуж за Хасу Арцханова, препятствуют ей в данном сожителстве, угрожая, приняв присягу, отбить ее или же убийством обоих супругов. Согласно постановления 1 с'езда советов Ингушетии, необходимо, ограждая права гр. Цороевой, склонить ее родственников к примирению, а в противном случае завершить этот брак духовным обрядом, сделав соответствующее распоряжение Акиюртовскому мулле и одновременно зарегистрировав таковых советским порядком». Комментарии, как говорится, излишни.

Производство по калымным делам в стадии расследования и суда носит обычно волокитный характер. Так, по д. Гулиева О. и Джангуева И. (нарсуд 5 уч. Кабардино-Балкарской авт. обл.) между днем подачи жалобы и днем суда прошло 1 г. 3 м., по д. Ярыжева М. и Месрбиева М. — около 2 л., по д. Цориева Т. и Налбашева Г. — 1 г. 3 м. по д. Хадиева З. — 1 г. 10 м., по д. Евловых М. и М. — 1 г. 5 м., по д. Ганчиева Э., Аушева Э. и Боротовых К. и М. — 1 г. 2 м.¹⁾

Выводы, вытекающие в результате изучения бытовых преступлений, направленных к нарушению прав

¹⁾ Последние 5 дел возникли в судах Ингушской автономной обл.

женщины-националки, могут быть сведены к следующим основным моментам:

1. Положение женщины в процессе защиты и восстановления своих прав во многих случаях весьма тяжелое: нередко показаниям ее не придается серьезного значения и необходимого доверия, производится со стороны родственников, посредников и посредниц сильнейшее давление на потерпевшую в смысле отказа от права привлечения к ответственности виновных, обычным явлением считается подача на имя органов расследования, прокуратуры и суда подложных заявлений от имени потерпевших об отказе или изменении в пользу обвиняемых первоначальных показаний, данных, якобы, под давлением родственников и о прекращении дела, сплошь и рядом свидетели, бывшие очевидцами преступлений, или уклоняются от свидетельства в судебно-следственных органах или же в лучшем случае лжесвидетельствуют.

2. Там, где существуют шариатские суды, регламентирующие их деятельность шариатское право всей силой своих реакционных норм обрушивается на женщину, препятствуя ей в нормальной защите своих прав, имея в виду, во-первых, тот факт, что бытовые дела нередко предварительно рассматриваются в шариатских судах, которые под присягой на коране обязывают свидетелей давать ложные показания в советском суде в случаях, когда данное дело сделается предметом разбирательства последнего (отсюда одна из основных причин массовой прекращаемости бытовых дел в советских судах, напр., по Киргизии прекращено в 1928 г. до 70%), во-вторых, факт исключения женщины из сферы гражданского оборота в форме лишения возможности быть субъектом наследования, права индивидуального свидетельства на суде (в известных случаях допускается только свидетельство коллективное: показания 2-х женщин приравниваются к показаниям одного мужчины).

3. Некоторые сельские секретари партячеек и предсельсоветы не всегда проявляют, в случаях непосредственного обращения к ним за содействием со стороны потерпевших женщин, достаточную активность и настойчивость в смысле немедленного предания виновных суду, принимая на себя временами роль посредников по примирению сторон, а иногда содействуя заключению религиозных браков.

4. Особо снисходительное отношение вызывает к себе калым, который по этой причине, а отчасти благодаря неудачному содержанию старой калымной статьи¹⁾, из всех бытовых преступлений отличался наибольшей безнаказанностью и наибольшей распространенностью.

5. Отсутствует у многих судебно-следственных и прокурорских работников правильное представление о составе преступления многоженства: уголовно-наказуемыми считаются не случаи одновременного фактического сожития под одной кровлей и в одном хозяйстве с двумя и большими количеством жен, а факт последующей женитьбы без оформления развода по предыдущему браку, или же, при наличии предыдущего нерасторгнутого брака, факт оформления последующего брака в ЗАГС или же даже в порядке религиозного обряда.

6. Как общее правило, процесс разрешения бытовых преступлений страдает, как в стадии расследования, так и в стадии распорядительного заседания и суда, следующими основными недостатками: элементами сильнейшего формально-бюрократического подхода, отсутствием плановости и тщательной организации следственного процесса, отсутствием глубокого анализа материала расследования, игнорированием врачебной экспертизы по делам изнасилований, излишним доверием к письменным заявлениям неграмотных потерпевших о прекращении дела, причем достоверность этих заявлений не устанавливается проверкой, почти полным отсутствием надзора со стороны прокуратуры в стадии расследования, таким же отсутствием прокуратуры, как стороны, в судебных процессах, особенно по нарсудам.

7. Волокита в процессе разрешения бытовых преступлений является фактором, затрудняющим раскрытие материальной истины, поскольку заинтересованные лица используют время для сформирования у потерпевшей и ее родственников настроения в пользу преступника.

8. Не всегда в плановом порядке изучается с целью выпрямления карательная политика органами суда и прокуратуры.

9. В результате всех вышеперечисленных моментов получилось положение, когда, при наличии законодательных норм с карательной санкцией в отношении бытовых преступлений, наша судебно-следственная и прокурорская практика объективно делала все возможное в смысле легализации в глазах населения указанных преступлений (из числа 155 преступлений 77% прекращено, оправдано или приговорено условно, а по отдельным преступлениям этот процент еще выше, напр., по д. калыма—93%, изнасилования—90% и принуждения—100%. Вышеуказанный процент будет еще выше, если принять во внимание нереальность в большинстве случаев меры социальной защиты в форме принудработ).

10. Фактическая безнаказанность бытовых преступлений и медленность в разрешении возбужденных дел являются фактором, усиливающим обращаемость в шариатские суды и тем самым замедляющим процесс их отмирания, поскольку сторонники этих судов используют вышеозначенные моменты в агитационных целях против советского суда.

11. Во многих случаях субъектами некоторых бытовых преступлений (похищения женщин) является комсомольская молодежь.

12. Целый ряд бытовых преступлений раскрывается и доводится до судебной гласности благодаря энергичному содействию органов ОГПУ.

В целях успешной борьбы с бытовыми преступлениями, наряду с необходимостью усиления действия моментов экономического и культурно-просветительного порядка, как основной предпосылки изжития всяческих преступлений, нужны следующие мероприятия.

1. Меры предупредительного характера: а) в форме широких разъяснительных кампаний о значении бытовых пережитков и пропаганды среди трудящихся масс и особенно женщин бытового законодательства, б) в форме широкой мобилизации советской общественности в первую очередь женотделов, делегатских собраний, как вокруг вопроса массовой пропаганды бытового законодательства, так и вокруг вопросов раскрытия и доведения до сведения органов

¹⁾ В отличие от новой статьи о калыме, принятой 2 сессией ВЦИК XIII созыва.

революционной законности о всех случаях нарушения прав бытовыми преступлениями.

2. Меры оперативного воздействия: а) организация тщательного учета органами прокурорского надзора всех бытовых преступлений с тем, чтобы каждый случай действительного нарушения прав женщин мог получить отражение в соответствующей мере социальной защиты; б) быстрое и безволочитное производство как в стадии расследования, так и в стадии суда; в) опротестование неправомερных приговоров и случаев неправильного прекращения дела; г) широкое участие женщин в бытовых процессах в качестве парзаседательниц и общественных обвинительниц; д) усиление в пределах соответствующих статей меры социальной защиты, главным образом, в форме имущественных взысканий по ст. 199 Угол. Код., в отношении классово-чуждых элементов (многоженство и принуждение к выходу замуж обычно культивируются в интересах зажиточных групп—торговцев, духовенства и пр.); е) организация прокуратурой тщательного контроля за немедленным (по вступлении в законную силу) приведением в исполнение приговора.

3. Инструктирование органов дознания (а также парсудей) как по вопросу о правильном усвоении бытового законодательства, так и в отношении методов, способствующих быстрому раскрытию бытовых преступлений.

4. Основным методом борьбы для изжития влияния, находящихся под идейным воздействием туземного кулачества и духовенства, шарнатских судов, во многих местах уничтоженных на бумаге, но продолжающих свою вредную работу подпольно, нужно признать, наряду с ограничениями прав шарнатских судов согласно постановления СНК и СТО СССР от 4/X 1927 г., метод приближения судебно-следственной и прокурорской сети к населению, коренизация аппарата, улучшение качества и скорости работы, твердое проведение

классовой линии, перевод судового верения, судопроизводства и правовой литературы на местный язык и разъяснение массам классовой сущности советского права и суда, обслуживающих интересы трудящихся и сущность шарнатской юстиции, направленной к обслуживанию эксплуататорских стремлений местного кулачества (маналов, баев, аткамнеров и пр.) и духовенства, к лишению женщин политических, гражданских и имущественных прав. В частности, в процессе проведения докладов по борьбе с влиянием шарнатских судов полезно поставить серию таких докладов на делегатских и других женских собраниях. Отсюда вытекает необходимость организации в широком масштабе на основе плановости систематической пропаганды бытового законодательства наряду с пропагандой законодательства общего (с.-х. налог, самообложение, льгот бедноте, земельное законодательство и пр.).

5. От прокуратуры требуется в качестве минимума обязательное выполнение двух условий: это—тщательный надзор за процессом расследования и участие в распорядительных и судебных заседаниях в качестве представителя революционной законности с целью обеспечения правильного направления дела.

6. В отношении калыма установить наказуемость одного факта дачи и принятия калыма, независимо от вопроса о дальнейшей судьбе калыма.

К. Дигуров.

Страница практика

САМОКРИТИКА И 58¹⁰ СТАТЬЯ УК.

Привлекая к самокритике широкие слои трудящихся, партия и советская общественность не могли, конечно, ограничить и круг лиц, привлеченных этим широким лозунгом, и способы критики. Наоборот, чем шире контингент лиц, чем разнообразнее формы, тем больше

Революционная законность в Вятской губернии.

(Путевые впечатления).

К выполнению директив XV съезда Коммунистической Партии и директив Правительства и НКЮ от начала 1928 года органы суда, прокуратуры и следствия Вятской губернии приступили только в течение последнего квартала истекшего года. Сдвиг в работе,—как привыкли у нас теперь говорить и писать,—налицо, но сдвиг этот еще далеко недостаточен. Так об этом говорили работники юстиции Вятской губернии на происходившем 11—14 января губернском совещании судебных, прокурорских и следственных работников и так записано в принятой совещанием резолюции. На первый взгляд, как-будто бы обстоит все благополучно, аппарат работает, бумаги ежедневно в значительном количестве получаются и также ежедневно в таком же, а иногда и большем количестве, отправляются. Все работают и работают, можно сказать, очень много, ничто не может упрекнуть наших судебных и прокурорских работников в том, что они мало делают, что они недогружены. Когда приходится просматривать отчеты прокуратуры и составленные цифровые, статистические сведения о количестве жалоб, количестве дел, произведенных обследований, сделанных всякого рода докладов, расследованных газетных заметок и т. д., все это в общем числе представляет довольно внушительную цифру проделанной работы. Но, между тем, повторяющиеся изо дня в день в работе советского, хозяйственного и кооперативного аппарата недостатки, бесхозяйственность, распушенность, волокита, извращения классовой линии в деревне, которые очень вредно отражаются и мешают развитию нашей про-

мышленности, поднятию сельского хозяйства и укреплению советских органов, в достаточной степени наглядно показывают, что проводимая в громадном большинстве кабинетная, мертвая, бумажная работа, которая находит свое количественное отражение в систематических сводках, (а на них работники суда и прокуратуры затрачивают много энергии и сил), далеко не достигает той цели, тех задач, которые поставлены Коммунистической Партией и Рабоче-Крестьянским Правительством перед органами советской юстиции.

Если побывать в нашей деревне, особенно если проехать подальше от волостного или районного центра, можно сразу простым глазом убедиться, что работа в области укрепления революционной законности и связанной с этим пропаганды и популяризации советского права в большинстве своем совершенно не ведется, а в некоторых местах, к сожалению, никогда не велась. Кое-где проводится работа по оказанию юридической помощи населению, но и эта работа в громадном своем большинстве является кустарной, совершенно случайной работой. Работники избытители и домов крестьянина очень нуждаются в помощи, а между тем, им в большинстве случаев никто не помогает, они вынуждены во всех даже сложных законах разбираться сами, работа их проходит очень часто при отсутствии в их распоряжении какого бы то ни было справочного и законодательного материала. Подтверждением этому может служить мое личное наблюдение во время поездки в Вятскую губернию для участия в переизборной кампании советов. В течение более чем трехнедельного пребывания в Слободском уезде и в двух наиболее отдаленных от уездного центра волостях Редькинской (75 км.) и Сочневской (около 100 км.) я выступал с отчетными докладами о работе правительства на больших и многочисленных крестьянских собраниях. По тем многочисленным вопросам, кото-

это отвечает задачам и целям привлечения широких масс к управленческому аппарату. Между тем, как в отношении рабселькоров порядок расследования их замечаний урегулирован целым рядом циркуляров НКЮ и НКВД (№ 289 1925 г. и др.), критика устная не только не встречает подчас должного отклика со стороны местных властей, но после неблагоприятного отзыва о работе какого-либо местного работника, отзыв подчас резкого, на сходке или общем собрании критикующий привлекается к уголовной ответственности по 58^ю ст. УК, а бывают случаи и отсуживает солидное количество месяцев в ИТД в предварительном заключении. 58^ю ст. говорит о пропаганде или агитации, содержащих призыв к подрыву или ослаблению Советской власти (остальные пункты мы отбрасываем), и в этом отношении, с одной стороны, критикующие, правда, могут замаскировать и контр-революционную агитацию, но, с другой стороны, открытое выражение мнений широких масс на недостатки в партийном или советском строительстве подгоняется под уголовщину, чем у многих отбивается охота принимать участие в самокритике.

Нашей прессой достаточно было обращено внимание «на зажимание ртов», но между прочим этот зажим принимает подчас настолько нежелательный характер, что на способы ограждения широких слоев трудящихся от излишнего переусердствования надо обратить внимание и Партии и Правительству. В Боровичском округе угрозы передать суду за подрыв Советской власти при критике неправильного обложения сельхозналогом, к счастью, не осуществлены, но уже наличие угрозы делает самых активных и передовых общественников пассивными, отбивает надолго, если не навсегда охоту критиковать. В Тверской губ. мне известен один факт, когда свободно выраженное мнение широких масс закончилось привлечением к уголовной ответственности по 58^ю ст. УК не только критиков, но и лиц, которые мозолили глаза критикуемым.

В районе деревень Жар, Лятино, Пески Осташковского округа «волею судеб» все возглавляющие места в советских кооперативных и общественных учреждениях занимают связанные между собой родством Зуевы, при чем деятельностью ККОВ'а были недовольны абсолютно все, а преимущественно беднота и середнячество, но открытой критики проявлено не было. В августе месяце рыбаки: Наумов Василий, Дроздовы, Сергей и Николай, Лашкин, Петр, и Марков, Николай, на сельском сходе «обмолвились» о «зуевском засилье»

рые задавались крестьянами, по их выступлениям на собраниях, по жалобам и заявлениям крестьян, которые от них поступали путем личного посещения изб-читален, знакомства с работой сельсоветов и волисполкомов, я пришел к выводу, что нигде в этих двух волостях незаметно каких-либо реальных результатов работы в области укрепления революционной законности, если не считать, конечно, рассматриваемые народными судами поступающие к ним дела.

О возможности обращения к прокурору с жалобами, крестьяне, особенно беднота и батраки, которых в Редькинской волости притесняют кулаки и зажиточные (захватили лучшие земли, обманывают и заглушают их при разделе сенокоса, угрожают и даже бьют активных работников и т. п.), ничего не знают. Они боятся, забиты, загнаны, никакой среди бедноты и батрачества работы никем не ведется. При проведении обложения сельско-хозяйственным налогом классовая линия совершенно извращена, налогом во многих случаях чрезмерно переобложены середняки, а в отношении бедняков наблюдался формальный подход при учете объектов обложения, что не дало возможности явно бедняцкие хозяйства полностью освободить от налога. По словам предволисполкома приезжавшими уездными финаловскими работниками была дана директива найти и обложить индивидуально 4—5% хозяйств по волости. И поэтому все внимание было уделено на поиски «индивидуалистов». «Днем с огнем искали», — как говорят об этом сами крестьяне, — «нашли и обложили индивидуально сначала более 70 хозяйств, а затем оставили только 27, из которых по более тщательной проверке можно было бы, быть может, исключить еще несколько хозяйств».

Первыборная кампания сопровождалась целым рядом нарушений закона и недостатков. До 30 декабря в некоторых сельизбиркомах не было не только какой-либо

и о беспорядках в ККОВ. Мы охотно верим, что критика эта, тем более, что сход носил бурный характер, не обошлась без «поминовения родителей», но результат выражения мнения всего общества для нас неожидан — все привлечены по заявлению предселькова Зуевой к ответственности по 58^ю ст. УК, а Лашкин заключен в Осташковский ИТД. Впоследствии Зуева отказалась от обвинения Маркова, оказавшегося ее родственником, но почему следователь не отказался от обвинения всех, почему формальный подход стал выше лозунга самокритики? Ведь в действиях лиц, указывающих на наши социальные болячки, нет подрыва и ослабления власти, а, наоборот, желание укрепления и изжития замеченных недостатков. Мы в течение 10 лет не знали о лудорвайском безобразии, перед нами прошли смоленские и другие эпопеи, где точно также никто не смел заикнуться о «делах» и «делишках», а между тем эти гнойники вскрыты усилиями советской общественности, и раньше, чем привлекать к уголовной ответственности Дроздовых и иных, обвинением против которых законит, главным образом, показание заинтересованной Зуевой, прокуратуре следовало бы проверить, на чем основаны их слова, при чем от Зуевой никто не отнимает права привлечь их к ответственности в порядке частного обвинения. Здесь же «мышь родила гору». Мы ждем предотвращения подобных методов борьбы с самокритикой путем издания распоряжения НКЮ, которым бы самокритика бралась бы под такую же защиту власти и Партии, как и наше рабселькоровское движение.

Н. Бедюхов.

МОЖЕТ ЛИ СЕЛЬКОР БЫТЬ ПОДПОЛЬНЫМ АДВОКАТОМ?

Авторы статьи в № 42/43 «Е. С. Ю.» «Различие полезной деятельности селькоров от преступной работы подпольной адвокатуры» сделали открытие: иногда селькоры привлекают за занятие подпольной адвокатурой. И эта опасность, по мнению авторов, тем ужаснее, что «на самом деле в деятельности селькора никаких признаков подпольной адвокатуры, могущих повлечь за собой привлечение к уголовной ответственности, нет».

Вот это, действительно, необыкновенное открытие. Оказывается, что селькор-общественник и подпольный

руководящей литературы, но даже не было и «инструкции по перевыборам советов РСФСР». ВИК запросил 25 экз. инструкции из уезда, там запросили избирком, а губизбирком только 20 ноября заказал инструкцию издательству «Власть Советов», при чем заказ этот был выполнен только в конце декабря, на места же получили инструкцию тогда, когда подготовительная и отчетная кампания были закончены. Списки лишенных избирательных прав никем не проверялись. По Редькинской волости никаких перегибов, как видно, не было, потому что там просто использовали списки прошлого года. Новых лишенцев, как было видно из просмотренных мною 8 списков, кроме нескольких «умалишенных», никого выявлено не было. Со стороны волизбиркома проявилось циркулярное творчество, при чем одним из циркуляров было дано такого рода разъяснение: «Члены семей лиц, лишенных избирательных прав, лица, чьи избирательных прав, когда они не имеют источником своего существования самостоятельный общественно-полезный труд и проживают на средства лишенца, например, дочь или сын лишенца зарабатывают в месяц 20—25 руб. и на расходы, связанные с питанием, одеждой, обувью расходует то же не больше заработанных 20—25 рублей, то такие лица лишению не подлежат; если же зарабатывает 20 рублей, а расходует 30—35 рублей, то таких выпать нужно, так как они являются, хотя частично, но зависящими от лишенца. Таким же образом нужно подходить к лишению лиц, занимающихся сельским хозяйством».

Никакой работы по волости в области пропаганды советского права и оказания юридической помощи населению местным народным судьям 10 уч. Слободского уезда не ведется. Этот народный судья совершенно не принимает никакого участия в общественной работе, и, по словам местных волостных работников, несмотря на то, что по

адвокат понятия не одинаковые. А кто в этом сомневался?

Жажда открытий заставила авторов сделать еще одно, не менее поразительное: «Селькор в подавляющем большинстве случаев—бедняк. Обыкновенно он нигде не служит, работает в своем хозяйстве и живет только на то, что зарабатывает своим трудом. Для бедняка такая роскошь, как занятие благотворительностью, не всегда доступна (курсив наш. Г. К.). Поэтому, если селькор за оказанную юридическую помощь возьмет посылную плату с крестьянина, если для селькора взимание платы за оказание юридической помощи не является корыстной целью, если работа селькора проходит под знаком советской общественности, то единственный случай получения платы за оказываемую помощь ни в коем случае не может служить основанием для обвинения селькора в записи подпольной адвокатуры».

Собственно в этом абзаце не одно, а целый ряд «роскошных» открытий. Первое—«для бедняка такая роскошь, как занятие благотворительностью, не всегда доступна». Граждане авторы, ведь это чепуха. Вы же посвятили добрую половину статьи описанию самоотверженности селькоров и значения их борьбы. Ведь селькоры рискуют жизнью, занимаясь рабселькоровской работой. Мы знаем тысячи случаев полного разорения хозяйств селькоров (поджог и проч.). Что же, селькоры занимаются разоблачениями в ожидании вознаграждения? Люди жертвуют жизнью, семьей, хозяйством, а вы занимаетесь чепухой о роскоши благотворительности.

Второе—вы пишете, что селькор часто сам полуграмотный человек. Для него составить самостоятельно заявление по сложному крестьянскому делу—труд не одного дня и ночи, не считая уже канцелярских принадлежности.

Этому открытию мог бы позавидовать Колумб. Каким это образом полуграмотный селькор умудряется составить обстоятельное заявление по сложному крестьянскому делу? Что это за чудеса в решете?

Если бы дело касалось только недостатка логики у авторов, то, конечно, не стоило бы труда указывать на такие маленькие недочеты. Но, когда хотят таким путем, или даже каким бы то ни было путем провозгласить доступность для селькора принятия вознагра-

ждения за оказание юридической помощи соседу-бедняку, то это требует разоблачения. Это требует отпора и пусть нас извинят за несколько резкие выражения, к которым мы прибегаем.

Селькоровское движение выросло из ожесточенной борьбе с классовым врагом—кулаком, в борьбе с расточителями народного добра, в борьбе с прохвостами, жуликами, карьеристами, развратниками, разлагающими советский аппарат. Селькоровское движение—это глубокая идейная борьба со всяким злом и несправедливостью. Селькоры—это авангард рабоче-крестьянской демократии, это нарождающееся, подлинно-советское общественное мнение. И вы хотите, чтобы селькоры взимали гривеннички за канцелярские принадлежности и «обстоятельные» заявления по сложным крестьянским делам?

Послушайте, что пишут сами селькоры по вопросу, допустимо ли принимать вознаграждение за юридическую помощь, которую они изредка оказывают.

Селькор П. Данилов (д. Сабурово Карликовской вол. Гжатского у. Смоленской губ.): «Селькора, пишущего крестьянину заявление или жалобу, нельзя назвать подпольным адвокатом, если, конечно, он это делает бескорыстно. Селькор—защитник бедноты, он должен делать все, что в его силах, чтобы помочь бедняку. А если селькор начнет брать гривеннички, то он уже не будет общественником. За гривенником пойдут двугривенные, за ними—полтиннички и т. д. Получится, что селькор со своего же брата-бедняка и середняка будет тянуть деньги. Сознательный селькор не возьмет платы и не должен ее брать. Нельзя допускать, чтобы селькор, соблазненный гривенниками, развратился и перестал быть бескорыстным, честным общественником».

Селькор Богословский (с. Векшино Новгородского окр.): «Всякого рода заявления селькор должен писать крестьянам бесплатно, в порядке общественной работы. Платность—очень скользкий путь для селькора. Подпольная адвокатура в деревне—явление гораздо более серьезное, чем кажется на первый взгляд».

Селькор Потапин (с. Божедаровка Криворожского окр.): «Что руководит селькором, пишущим в газету о несправедливости и закононарушениях в деревне. Жажда

Вятской губернии одновременно с перевыборами советов происходят перевыборы народных заседателей, никакого участия в перевыборной и отчетной кампании не принимает.

Несмотря на то, что изба-читальня (библиотека) в селе Полеме, волостном центре, находится в нескольких шагах от камеры наруда, никакого справочного стола там не организовано и никакой юридической помощи населению в волостном центре не оказывается.

От столь неподвижного народного судьи резко отличается начальник волостной милиции. Работник живой, занимается общественной работой и пользуется авторитетом. В области работы по расследованию, как видно, нуждается в более близком руководстве и инструктировании. А это руководство и инструктирование совершенно отсутствуют. В производстве начальника волостной милиции находились два чрезвычайно любопытных «секретных» дела. Одно из них возникло по жалобе, адресованной на имя уполномоченного РКН по Слободскому уезду, и было передано им на распоряжение уздрави, который препроводил начальнику волости при своем предложении от 10 декабря 1928 г. № 2/с произвести дознание и материал представить в уезд. Обстоятельства этого дела заключались в том, что, как видно из жалобы, медперсонал местной больницы по решению народного суда, вступившему в законную силу, взыскал с уздрави 755 руб. за переработку в 1925—26 году, и жалобщик подозревает, что взыскание это произведено неправильно.

Второе дело, также возникшее по жалобе на имя уполномоченного РКН по Слободскому уезду, совершенно склочное и носит характер похода против недавно присланных молодых врачей Поволожских. В жалобе указывается на антисоветский состав медперсонала больницы, оказание ими медицинской помощи «лишенцам», исполь-

зование врачом лошади для личных поездок, обвинение ординатора женщины-врача, что она коммунистов называет «головотяпами» и т. д.

Эти два дела задали очень много тревоги начальнику милиции тов. Попову. Он никак не мог начать правильное расследование по ним для того, чтобы установить состав преступления и виновных.

Работа в избах-читальнях по оказанию юридической помощи, как уже нами отмечалось, страдает недостатками.

В селе Заево этой же волости имеется изба-читальня. Избач тов. Усатов—партиец, как видно, очень энергичный. Есть в избе-читальне, по его словам, стол справок, оказывается юридическую помощь, дает советы, пишет заявления. Подсобной литературы (юридической) нет совершенно никакой. Тов. Усатов говорит, что на судью у него бывал и разговаривал, но помочь ничем не мог.

Вторая изба-читальня, посещенная мною, находится в селе Иванцево. Помещение так же, как и в с. Заево, очень приличное и удобное. Есть стол справок, познакомиться с его работой не было возможности, так как избач находился в этот день в отлучке. Как видно, юридической литературы также нет.

Третья изба-читальня, с работой которой пришлось ознакомиться, в с. Сырьянах, помещается в бывшем доме попа, совместно с сельсоветом. Помещение хуже первых двух. Избач—партиец, сам ведет работу справочного стола. Помогает ему счетовод кредитного товарищества. Литературы, за исключением нескольких брошюр по земельным делам, сельско-хозяйственному налогу и лесным делам, также нет никакой. За юридической помощью обращается много крестьян. Дают советы и пишут заявления просто так, «по чутью». Народный судья никогда не бывал, и избач (он работник там новый) даже не знал, что на судью может чем-либо помочь. Ни о каком юридическом бюро

к наживе, или его непримиримость со всяким злом и преступлением? Конечно, только последнее. Тот большой гонимый, который изредка получает селькор за напечатанную заметку, несколько его не устраивает, а ведь он пишет и часто пишет в ущерб своему хозяйству, подвергая даже опасности свою жизнь. Значит, селькор идейно борется со злом.

Я, конечно, не берусь утверждать, что поголовно все селькоры таковы. Есть исключения, есть случайные «селькоры», которые берут вознаграждение за оказание юридической помощи. Но таких селькоров немного и они будут рано или поздно отсеяны.

Селькор-избач Н. Смиков (с. Кривки Дрязгинского р-на Тамбовской губ.): «Селькор, если он честный общественник, должен оказывать свою помощь безвозмездно, тем более, что он это делает для бедноты. Кулаки же обычно к селькору не обращаются, они предпочитают иметь дело с писарями и дячками».

Селькор Г. Пономарев (с. Монастырское Посадской вол. Халтуринского у. Вятской губ.): «Подпольный адвокат — друг кулака, а селькор — друг бедноты. Селькор всегда должен помочь бедняку: дать совет, написать заявление, научить, как надо поступить в том или ином случае. Селькоры в огромном большинстве сами бедняки, так неужели может бедняк брать деньги за общественную помощь? Против кого может писать заявление кулак? Ясно, что против бедняка, середняка или кооперации и соворганов. А если так, то допустимо ли вообще написание такого рода заявления только для того, чтобы заработать немного денег?! Я считаю, не должен селькор писать заявлений кулакам и не должен принимать денег за оказанную беднякам помощь».

Почитайте, граждане авторы, у рядовых селькоров, тогда вам станет понятной та «роскошь», которую могут себе позволить бедняки-селькоры, жертвующие своей жизнью в борьбе с классовым врагом.

Мы полагаем, что в вышеприведенных письмах селькоры дали исчерпывающий ответ, допустимо ли принимать вознаграждение даже в единичных случаях. Вряд ли стоит останавливаться на оговорке, сделанной авторами: «если для селькора взимание платы за ока-

зание юридической помощи не является корыстной целью». Чем же, уважаемые авторы, является взимание платы? Может быть платой за канцелярские принадлежности?

Вредность установки авторов настолько очевидна, что дальнейшие доказательства этому излишни. На этом мы закончим наш ответ. Мы хотели бы лишь отметить, что вообще случаев привлечения селькоров за занятие подпольной адвокатурой было очень немного.

Осуществление этих мероприятий, отнюдь не претягивающих на признание их исчерпывающими, могут изжить подпольную адвокатуру и укрепить революционную законность на селе.

Г. Кудрявцев.

Как устанавливать отцовство до и после рождения ребенка?

Вопросу об установлении отцовства в нашем Кодексе о браке, семье и опеке 1926 г. посвящены статьи 28, 29, 30, 31 и 32. Статья 28 предоставляет матери, в целях защиты интересов ребенка, право в период беременности до или после рождения ребенка подать заявление об отце ребенка в местный орган записи актов гражданского состояния по своему местожительству, указывая имя, отчество, фамилию и местожительство отца ребенка. В ст. 30 говорится об установлении отцовства после рождения ребенка. Статья 31 трактует об участии установленного судом отца в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка и матери его.

Редакция статьи 28 на практике вызывает существенное сомнение и различное толкование. Как следует понимать слова статьи «матери предоставляется право в период беременности или после рождения ребенка подать заявление об отце ребенка в местный орган записи актов гражданского состояния»? и т. д. Относятся ли слова «предоставляется право к моменту подачи заявления об отцовстве к возможности или необходимости подачи заявления, или к вопросу о выборе матерью органа, которому мать подает заявление об отцовстве?»

Некоторые суды понимают ст. 28 в части, где говорится «матери предоставляется право», в том смысле,

или юридических кружках в Редькинской волости не знают и организовывать его никто пока не думал.

Неблагополучно обстоит дело с организацией принудительных работ. Для характеристики постановки этой работы можно привести следующий пример, достаточно ярко освещающий и карательную политику суда.

На одном крестьянском собрании два бедняка из дер. Конаки Редькинской вол., Егор Петрович Усцов и Илья Федотович Волков со слезами на глазах рассказывали следующее. В прошлом году они заключили с лесничеством договор нарубить по 10 куб. дров. Взяли по 30 рублей задатка. Договора не выполнили, и их за это народный суд присудил по 6 месяцев к лишению свободы. Обжаловали. Губсуд приговор утвердил. По отбытия ими лишения свободы по 2 месяца их освободили и остальной срок заменили принудительными работами без содержания под стражей. Для исполнения этих принудработ им дали норму нарубить и вывезти по 15 куб. дров. Выполнить этого они не могут по той же причине, как и не выполнили договора, потому что у них нет лошадей и вывозить дрова не на чем. Находясь в таком «кабальном» положении по отбыванию принудработ, Усцов и Волков не знали, куда и к кому обратиться с жалобой, и только случайно на собрании им удалось высказать свое горе.

Так обстоит дело по Редькинской волости.

Немного другая картина в Сочневской волости.

Народный судья 8 участка Слободского уезда т. Якшин — партиец, рабочий, окончив Уральские областные юридические курсы, принимает большое участие в общественной работе. Дел на производстве немного (40). Назначает их сейчас же при получении жалобы или дела. Никакой задержки нет. Выступал с докладами о работе суда за 9 месяцев 1928 г. на 4 крестьянских собраниях, за то же время сделал при выездах 6 докладов на правые темы и провел 1 беседу с нарзаседателями.

При избежитальне в с. Нагорском (центр волости) имеется справочный стол, обслуживаемый народным судьей, избачом, членом коллегии защитников (который постоянно живет в с. Нагорском) и другими общественными работниками. Нарсудья еженедельно один день дежурит при справочном столе.

30 октября 1928 г. Сочневский волисполком заслушал доклады нарсудьи, нарследователя 3 района (камера в с. Нагорском) и начальника волмилиции. В своем постановлении ВИК: 1) существующий порядок — принятие заявлений нарсудьей в установленные дни, одновременную выдачу повесток заявителю и т. д., ускоряющие прохождение дел в производстве, — одобрил и рекомендовал суду эту работу закрепить; 2) нарследователю рекомендовал проводить регулярные практические занятия с работниками органов дознания; 3) отметил недостаточную работу нарследователя по обследованию органов дознания; 4) признал, что отчетность перед населением, проведенная нарсудом, недостаточна и что эта работа совершенно отсутствует со стороны нарследователя и милиции; 5) рекомендовал в центрах бывших волостей регулярно проводить вечера вопросов и ответов и ставить там доклады по отдельным правовым вопросам; 6) с нарзаседателями также рекомендовал работу усилить и созывать специальные конференции нарзаседателей. Таким образом, мы видим, что ВИК работой суда, следователя и милиции интересуется и принимает в этом отношении ряд мероприятий.

Но если работа народного судьи Сочневской волости поставлена удовлетворительно, то этого нельзя сказать про работу народного следователя 3 района Слободского уезда, камера которого находится в том же селе. Следователь обслуживает две волости: Редькинскую и Сочневскую. Как констатировал Сочневский ВИК в своем постановлении, народный следователь недостаточно осуществлял руковод-

что она «может», что она вправе заявить заблаговременно об отце ребенка или не заявлять вообще, что эта статья таким образом содержит указание на возможность оформления отцовства и до рождения ребенка в отличие от обязанности это сделать (может, а не обязана). Такое понимание этого вопроса встречается и в некоторых иностранных законодательствах в части оформления отцовства до или после рождения ребенка. Этого вопроса, например, касаются законы Швейцарии, Норвегии, Швеции.

Но возможно толковать статью 28 в том смысле (и многие суды именно в этом направлении воспринимают ее), что женщине предоставляется право обратиться с заявлением об отце будущего ребенка в отдел записей актов гражданского состояния или не обращаясь в отдел записей актов гражданского состояния, а обращаясь непосредственно в суд, что обращение беременной женщины в ЗАГС или в суд зависит от воли женщины, от тех или других ее соображений, что слова «предоставляется право» относятся к выбору органа (ЗАГС или суд).

В самом деле: сопоставляя ст.ст. 28, 29, 30, 31, мы должны установить, что, во-первых, до рождения ребенка с заявлением об отцовстве женщина может обращаться в ЗАГС (ст. 28); во-вторых, до рождения ребенка с заявлением об отцовстве женщина может и не обращаться (не обязана обращаться) в ЗАГС (ст. 28); в-третьих, после рождения ребенка с заявлением об отцовстве женщина может обращаться в ЗАГС (ст. 28 «...или после рождения ребенка»); в-четвертых, после рождения ребенка с заявлением об отцовстве женщина может обращаться в суд (ст. 30) и в связи с этим возникающий; в-пятых, вопрос: может ли женщина с заявлением об отцовстве обратиться до рождения ребенка в суд?

В каких случаях женщине приходится заблаговременно позаботиться об оформлении отцовства (безразлично, идет ли речь о незарегистрированном браке или о другом отце при состоянии в зарегистрированном браке не с отцом имеющего родиться ребенка)?

1. Если взаимоотношения между матерью и отцом будущего ребенка таковы, что не дают ей уверенно и спокойно, не тревожась за судьбу зачатого существа, дождаться появления его на свет и тогда только оформить отцовство.

2. Если отец будущего ребенка не помогает беременной женщине, а она в это время особенно нуждается в этой помощи (одинокая, безработная, незарегистрированная, учащаяся—т.е. те категории женщин, которым абсолютно не по силам вынести все материальные тяготы беременности, родов, рождения ребенка на своих собственных плечах).

3. Если матери представляется возможным, вероятным и допустимым, что отец ребенка, узнав об ее беременности, скроется, оставит ее в течение беременности без поддержки, а к моменту рождения ребенка обнаружить его местопребывание будет уже затруднительно.

Иначе говоря, во всех тех случаях, когда для матери ребенка несомненна неизбежность предстоящего спора об отцовстве.

А если этот спор неизбежен, не проще ли матери ребенка непосредственно обратиться в суд до рождения ребенка (в нарушение ст. 30, предлагающей в суд обращаться после рождения ребенка). Подтверждение этого обстоятельства—неизбежность спора—мы найдем в цифрах, характеризующих судьбу заявлений, поданных по Москве в порядке ст. 28 в ЗАГС беременными женщинами до рождения ребенка; эти цифры указывают, что % отцов, прямо признающих себя отцами, очень невелик (16%), % отцов, прямо отказывающихся от отцовства, наоборот, очень значителен (37%)¹.

Второе соображение, связанное с необходимостью предоставления беременной женщине права обращения в суд до рождения ребенка, вытекает из прямого смысла ст. 31.

Ст. 31 говорит о наложении на отца обязанности участвовать в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка, а равно и матери ребенка в течение беременности и шестимесячного срока после родов. Закон, как видно из цитируемой статьи, не содержит ограничения срока оказания помощи женщине во время ее беременности виновником этой беременности, женщина может пользоваться помощью в течение всей беременности. Это право—существеннейшее право беременной

¹ Цифры приведены по данным Мосгубзгаса.

ство органами дознания и совершенно не вел общественной работы в Сочневской волости, где он постоянно находится. Мною установлено, что нарследователь совершенно не руководит работой органов дознания Редькинской волости, хотя расстояние до волостного центра—село Полом—всего только 18 км. Вместо инструктирования и разъяснений нарследователь по отношению к милиции проявляет командование «приказываю», «предлагаю» и т. д. На одном из собраний (с. Сырьяны—70 км. от с. Нагорского) местный фельдшер Черезов заявил, что нарследователь 3 района вызывал его в качестве свидетеля-эксперта по обвинению Кузнецова в изнасиловании, что на эту поездку за 70 км. фельдшер затратил три дня, и ему нарследователь не выдает прогонных и суточных. Как видно из имеющегося на руках у Черезова отношения нарследователя на имя губздравы от 19 сентября 1927 г. № Пб, нарследователь объясняет, «что Черезов вызывался и допрашивался мною не как эксперт, а как свидетель. Кроме того, по фигурируемому делу может быть экспертом только лишь медврач, а Черезов же является медфельдшером. Поэтому выплату проездных и суточных последнему считаю незаконной». Никаким свидетелем фельдшер Черезов по этому делу не являлся, никакой врач «экспертизы», кроме него не производил, и поэтому он действительно добывается получения следующих ему денег. Что сделал губсуд, куда направлена была вся переписка—неизвестно. Со стороны уездной прокуратуры никакого руководства народным следователем не осуществляется, а что он в этом руководстве нуждается, нет никаких сомнений.

Незаметно и влияния прокуратуры на укрепление революционной законности в Сочневской волости. Проведение сельско-хозяйственного налога повлекло много нарушений и много жалоб. В кампаниях по переизборам советов при лишении избирательных прав местным избиркомом допущен ряд нарушений. Лишены избирательных прав—

учителя, работающие по 8—9 лет, и не потому, что они материально зависимы, как члены семьи лишенца, а потому, что поддерживают связь с этими лишенцами и материально помогают их хозяйствам. Кроме того, два учителя лишены избирательных прав не по месту своей работы и жительства, а тем избиркомом, где живет семья, к которой их причисляют и где они не проживают. Есть и другие нарушения по лишению избирательных прав, но никто на это не обращал внимания. Бедняки заявляют, что при кредитовании происходит нарушение директив соввласти и партии. Кредиты даются кулакам и зажиточным. В лесных органах творятся злоупотребления, взяточничество, бесхозяйственность, засилье чуждых элементов.

При землепользовании кулаки и зажиточные притесняют бедноту, захватили лучшую землю, сенокосы, а сельско-хозяйственный налог платят по спискам 1910 года.

Очень многим инвалидам, получавшим пенсию до 1 октября 1928 г., с этого времени выдача почему-то прекращена. Несмотря на то, что это известно уездной прокуратуре и что это противоречит Манифесту ЦИК СССР, изданному к десятилетию Октябрьской Революции, никаких мер к проверке причин прекращения выплаты пенсии довольно значительному количеству инвалидов по уезду не принято.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что из девяти волостей уезда, которые обслуживаются двумя прокурорами, в указанных выше двух волостях работа прокуратуры совершенно незаметна и явные нарушения революционной законности, нарушения прав и интересов батрачества и бедноты повторяются изо дня в день; никаких же мер к их прекращению не принималось и не принимается.

(Продолжение следует.)

П. Акимов.

женщины, предоставляемое ей 31 статьей, — чрезвычайно важно учесть для таких категорий одиноких женщин, как безработные, незастрахованные, учащиеся и пр., не состоящие в браке, нигде не получающие ни помощи, ни поддержки.

Итак, беременная женщина, согласно ст. 31 Кодекса о браке, имеет право на получение поддержки в течение всей беременности (и 6 месяцев после родов) от того лица, который будет признан отцом ребенка.

Если же учесть, что процедура признания тянется долго, то окажется, что добрая половина, если не больше, беременности уже протекла, и помощь, о которой говорит ст. 31, в полной мере реализована быть не может.

Вот почему жизненнее, целесообразнее, проще предоставить женщине право с заявлением об отцовстве обращаться в ЗАГС, но предоставить ей и право непосредственного обращения в суд.

Однако, такое понимание ст. 28 находилось бы в противоречии со ст. 30 Кодекса о браке, которая гласит: «С заявлением об установлении отцовства после рождения ребенка мать ребенка имеет право также обратиться в суд».

Имеет ли какое-нибудь практическое значение обращение женщины в ЗАГС с заявлением об отцовстве по 28 статье с последствиями, указанными в 29 статье после рождения ребенка.

1. Если отец ребенка признает, отцовство не отрицает, он вписывается в соответствующую графу метрической записи о рождении, если же он вписать себя отцом ребенка не желает, к чему вся процедура ст. 29-й. На практике это должно привести к тому, что в данном случае женщина лишается возможности получения законом предоставленной ей помощи от отца ребенка не только своевременно на ребенка, но и в течение тех 6-ти месяцев после родов, о которых говорит последний абзац 31 статьи. Старая редакция 29-й статьи (ст. 141) в этом отношении больше достигала цели.

Как на практике применяются ст.ст. 28 и 31? В Москве суды в соответствии со ст. 28 обязывают женщину предварительно обращаться с заявлением в ЗАГС и не принимают исковых заявлений об отцовстве и алиментах (по ст. 31), если женщина не приносит соответствующей справки из ЗАГСа. Таким образом, как указывалось выше, существенно нарушаются права женщины на получение с отца ребенка на расходы, «связанные с беременностью». Другие суды, хотя и принимают заявления, направленные непосредственно в суд, но ограничивают срок подачи (заявление в суд должно быть подано не раньше 2 месяцев до родов).

В этом отношении даже некоторые ЗАГСы не принимают заявлений об отцовстве, поданные в ЗАГС.

Большинство беременных, очевидно, все-таки обращается непосредственно в суд, минуя ЗАГС. Такой вывод напрашивается при ознакомлении с нижеприводимым количеством обращений в ЗАГС в порядке 28 ст. Кодекса о браке. За время январь—октябрь 1928 г. во всех районных отделах записи актов гражданского состояния поступило всего 303 заявления. Цифра, несомненно, слишком небольшая. Выяснить количество обращений по ст. 31 в суды по Москве ни точно, ни приблизительно не удалось, так как эти иски об алиментах в статистических исчислениях, которые ведутся в парсулах, не выделяются из общей массы заявлений об алиментах и отцовстве. Таким образом, жизнь сама вносит необходимый корректив в закон.

Таким образом, оформление отцовства до и после рождения ребенка следовало бы построить на следующих основных положениях: Женщине предоставляется право в период беременности обратиться с заявлением об отце ребенка в местный орган записи актов гражданского состояния или непосредственно в суд. При обращении с заявлением в ЗАГС лицо, получившее извещение от ЗАГСа, вправе в течение двухнедельного срока с момента получения извещения возбудить в суде спор о ложности, неправильности поданного заявления в ЗАГС. В случае невозбуждения спора лицо записывается отцом ребенка.

Вместо годовичного срока оспаривания записи (вторая часть ст. 29) отцу предоставляется в порядке ст. 27 неограниченное временем право оспаривания правильности записи.

В крайнем случае, при обращении женщины непосредственно в суд с заявлением об отцовстве и алиментах (по ст. 31) можно требовать от нее указания тех причин, по которым она обращается прямо в суд, минуя ЗАГС (безработная, пужда, опасение, что отец скроется, и т. д.).

С. Копелянская.

Текущее законодательство.

Принятое еще 12-го ноября 1923 года сессией ЦИК СССР Положение об имуществах местных советов («С. У.» 1923 г. № 113, ст. 1046), в связи с развитием хозяйственной деятельности местных советов в значительной мере устарело. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 9 января утверждены основные положения об имущественных правах местных советов («С. З.» № 3, ст. 26), явившиеся результатом длительной проработки вопроса (см. пост. 2 сессии ЦИК СССР III созыва от 25 апреля 1926 г.—«С. З.» № 31, ст. 200). Все государственные имущества, не отнесенные к имуществам республиканского или общесоюзного значения, признаны имуществами местного значения. Как распределение и перераспределение имущества между местными советами разных степеней, так и изъятие имущества местного значения и отнесение его к числу имущества республиканского, признаны предметами ведения союзных республик. Для передачи имущества местного значения в разряд общесоюзных требуется постановление ЦИК СССР. Имея в виду большое значение имуществ в местном бюджете, закон устанавливает, что все эти постановления могут быть вводимы в действие лишь с начала ближайшего бюджетного года, при условии их опубликования не менее, чем за 4 месяца до этого срока. В случае опоздания с опубликованием постановления, оно вводится в действие лишь с начала следующего бюджетного года. Аналогичное постановление имеется также в Положении о местных финансах в отношении передачи доходов и расходов с одного бюджета на другой. Местные советы имеют право эксплуатировать состоящие в их ведении земли, предприятия и проч. имущество, как в бюджетном порядке, так и на началах коммерческого расчета, организовывать новые предприятия и отчуждать имущество в порядке и на основаниях, определенных специальным законом («С. З.» 1926 г. № 42, ст. 305).

Что касается кредитных операций местных советов, имеющих самостоятельный бюджет, то регулирование порядка заключения займов отнесено к ведению союзных республик. Новый закон, однако, определяет существенные правила, которым должно удовлетворять законодательство союзных республик по данному вопросу: недопущение заключения займов на покрытие дефицита по местному бюджету, определенное целевое назначение займов, заключение заграничных и облигационных займов исключительно с разрешения общесоюзного правительства, ответственность местных советов по займам всеми доходами и имуществами, на которое может быть обращено взыскание, и исключение ответственности общегосударственной казны по этим займам. Допускается заключение займов под специальное обеспечение отдельными доходами или имуществами, при чем эти доходы не могут быть изымаемы в порядке бюджетного перераспределения до полного погашения займа.

В виду частых недоразумений, возникающих при разрешении вопроса об ответственности за задолженность расформированных административно-территориальных единиц (в особенности, при районировании), основные положения устанавливают, что в таких случаях особый законодательный акт союзной республики определяет, на какие местные советы переносится ответственность по займам.

В отличие от закона 1923 года основные положения все подробности законодательства по вопросу об имуществах местных советов относятся к ведению союзных республик, которые определяют также объем имущественных прав местных советов разных степеней и порядок их осуществления. По РСФСР соответствующие законы имеются

в отношении имущественных прав ВИК'ов, РИК'ов и сельсоветов («С. У.» 1925 г. № 26, ст. 172, № 27, ст. 192 и т. д.).

Еще до издания приведенного закона правительством РСФСР утвержден специальный закон от 17 декабря об условиях и порядке заключения займов местными советами («С. У.» 1929 г. № 3, ст. 32), имеющий заменить устаревшие законы 30 июня 1926 г. («С. У.» № 40, ст. 310) и 9 мая 1927 г. («С. У.» № 46, ст. 304). Выделение специального вопроса о займах имеет крупное значение в виду особого характера кредитных операций, требующих определенной нормировки и устойчивости. Право заключения займов как долгосрочных, так и краткосрочных предоставлено всем исполкомам и советам, начиная с ЦИК'ов автономных республик и кончая сельскими советами, имеющими самостоятельный бюджет. Допускается заключение займов как в форме облигаций (именных и предъявительских), так и по различным договорам, не исключая вексельных обязательств. Облигационные займы, равно как и займы заграничные, могут быть заключаемы, как указано выше, лишь с разрешения правительства СССР. Повторяя основные положения о займах, указанные в общесоюзном законе, постановление высших органов РСФСР дополняет их в весьма существенных подробностях. Вышестоящим исполкомам предоставлено право выдавать гарантии исправности платежей по займам, заключаемым нижестоящими исполкомами и советами. Средства, поступившие по займу, зачисляются в доходный бюджет соответствующего органа и расходуются по прямому назначению на цели, для осуществления которых заем был заключен. Перевод предприятий, доходы которых закреплены в качестве обеспечения заключенных займов, с бюджетного финансирования на хозяйственный расчет, и, наоборот, производится лишь при условии, если по соглашению с кредиторами на предприятии, либо на исполкомы будут возложены обязательства по займам. Краткосрочные займы заключаются для усиления наличных средств местного бюджета в случае временного недостатка кассовой наличности и на заготовку разного рода предметов на будущий бюджетный год для учреждений, предприятий и мероприятий, финансируемых по местному бюджету. Эти займы могут быть заключаемы в общей сложности на сумму не свыше ¹/₁₂ части общей годовой суммы дохода данного бюджета и на срок в первом случае—не позднее последнего дня текущего бюджетного года и во втором случае—не свыше 12 месяцев. Долгосрочные займы (на срок свыше 12 месяцев) заключаются на капитальные затраты по расширению и восстановлению предприятий и сооружений, по устройству новых, а также на расходы по мероприятиям, связанным с поднятием экономического благосостояния населения. Для заключения долгосрочных займов уездными, районными и волостными исполкомами, городскими советами городов, не являющихся центрами административно-территориальных единиц (исключая уезды и районы), а также сельскими советами, требуется разрешение вышестоящих исполкомов. Если общая сумма годовых платежей по ранее заключенным займам вместе с суммой предполагаемого к заключению займа превысит 10% доходной части бюджета, то для его заключения остальными исполкомами и советами требуется разрешение Наркомфина РСФСР. Суммы, необходимые для уплаты процентов и погашения по долгосрочным займам, вносятся в качестве обязательной первоочередной расходной статьи в местный бюджет. Такое же правило действует в отношении сумм просроченных платежей по обязательствам, гарантированным исполнительными комитетами. Эти суммы также вносятся в качестве обязательной первоочередной расходной статьи в бюджет исполнительного комитета, выдавшего гарантию платежа по обязательству.

Особого внимания судебных работников заслуживают постановления нового закона, относящиеся к порядку взыскания по займам с исполкомов и советов, так как этот вопрос предыдущим законодательством вовсе урегулирован не был. В случае неисправного выполнения обязательств по займам, кредиторы предъявляют свои требования в судебном порядке. Судебные решения о взыскании платежей направляются через судебного исполнителя в финансовый отдел того исполкома или совета, которым заключен заем. Если исполком и советы не имеют финансовых отделов, частей или отделений, то исполнение судебных решений возлагается на самые исполкомы и сельсо-

веты. Одновременно же решения суда направляются в коллгии финансовые отделы вышестоящих исполкомов, осуществление этих решений. Если в срок, назначенный судом, платежа не последует, взыскатель обращается в суд с просьбой о принудительном исполнении. В таких случаях суд предлагает финансовому отделу, либо председателю совета, представить сведения о кассовой наличности и кассовый план исполнения бюджета. По рассмотрении представленных сведений суд либо включает в расходную часть плана сумму, необходимую для погашения присужденных платежей, указав при этом очередность производства расходов, нанесенных по плану, либо бронирует для погашения присужденной суммы поступления от источника, служащего специальным обеспечением займа, либо обязывает исполком или совет выдать кредитору ассигновку-чек на соответствующую сумму; устанавливая очередность производства расходов, суд руководствуется соображениями о срочности и важности нужд, на удовлетворение которых отпускаются средства, при чем обязательно соблюдаются требования ст. 101 ГК и ст. 266 ГПК.

Давая большую определенность ответственности местных советов по их обязательствам, законодательство одновременно особым постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 января («Изв.» от 27 февраля, № 48) определяет **порядок имущественной ответственности общественных организаций—профессиональных союзов**. Профсоюзные организации и их межсоюзные объединения, пользующиеся правами юридического лица, несут имущественную ответственность по обязательствам, вытекающим из их хозяйственной деятельности на общих основаниях, установленных гражданским законодательством. Ответственность профсоюзов за выше- и нижестоящие организации возможна лишь в тех случаях, когда они специально приняли на себя эту ответственность. Из имущества, на которое может быть обращено взыскание по задолженности профсоюза, исключены: стачечные и культурно-просветительные фонды, фонды пособий безработным, а также здания и оборудование, необходимые для нормальной и беспрепятственной работы организаций.

Как общесоюзное, так и республиканское законодательство, помимо общих норм статьи 101 ГК и ст. 266 ГПК, содержит различные, а иногда противоречивые постановления по вопросу об **очередности удовлетворения претензий кредиторов**. В целях объединения всех этих постановлений и устранения несогласованности, в особенности между законодательствами различных союзных республик, издано специальное постановление ЦИК и СНК СССР от 6 февраля («Изв.» от 1 марта, № 50). Все претензии разделяются в отношении очередности и порядка удовлетворения на 4 разряда. К первому разряду отнесены: 1) претензии рабочих и служащих, вытекающих из законодательства о труде, а также из коллективных и трудовых договоров (значит, не только заработная плата, но и другие причитающиеся трудящемуся с нанимателя платежи); 2) претензии по вознаграждению за увечье и смерть, не исключая капитализированных платежей; 3) претензии по алиментам; 4) претензии авторов и их наследников по вознаграждению за отчуждение их исключительного авторского права; 5) претензии изобретателей и авторов промышленных образцов и их наследников за использование зарегистрированных изобретений и промышленных образцов, однако, в части, не превышающей 6.000 рублей; 6) претензии старателей, особо предусмотренные специальным законом («С. З.» 1928 г. № 40, ст. 365); 7) претензии профсоюзов по отчислениям на содержание фабрично-заводских и местных комитетов и 8) претензии по социальному страхованию с начисленной пеней. Ко второму разряду отнесены недоимки по общегосударственным и местным налогам, а также по тем неналоговым доходам, которые могут быть взыскиваемы в порядке бесспорном и претензии Госбанка (а не прочих банков) по его кредитным операциям. В третий разряд включены, наряду с претензиями госучреждений и госпредприятий, смешанных акционерных обществ и обществ с преобладающим кооперативного капитала, также штрафы за нарушение законов о социальном страховании, штрафы, налагаемые финансовыми органами и вообще все прочие штрафы, взыскиваемые госорганами, прочие претензии профсоюзов, все претензии кооперативных организаций и кредитных учреждений по кредитным операциям последних, претензии вкладчиков по вкладам в кредитных учреждениях, претензии членов

кооперативных организаций, предъявляемые к последним, и те претензии общественных организаций, которые могут быть включены в этот разряд законодательством союзных республик. В четвертый разряд включаются все остальные претензии. В отличие от претензий членов кооперативных организаций, отнесенных в третий разряд, требования о возврате взносов в складочный капитал в случае ликвидации полных товариществ и товариществ на вере, товариществ с ограниченной ответственностью, синдикатов и кооперативных организаций, удовлетворяются лишь после полного погашения или обеспечения всех долгов ликвидируемых предприятий.

В соответствии со ст. 101 ГК РСФСР закон устанавливает преимущественное удовлетворение претензий, обеспеченных залогом, пред другими претензиями из категории заложенного имущества, установив также старшинство залогодержателя. Однако, в целях надлежащего обеспечения интересов взыскателей по претензиям первого и второго разряда на случай недостаточности всего незаложенного имущества для их удовлетворения, закон устанавливает, что пред претензиями Госбанка, обеспеченными залогом, имеют преимущество все претензии первого разряда, кроме претензий по социальному страхованию. Пред обеспеченными залогом претензиями других кредитных учреждений, не исключая государственных сберегательных касс, имеют преимущество претензии первого разряда, а также взыскания по акцизу, лежащему на заложенном имуществе, если этот залог был совершен во время его нахождения в месте производства, на базисном складе или таможне. Обеспеченные залогом претензии всех прочих залогодержателей удовлетворяются лишь после претензий первого и второго разряда, кроме необеспеченных залогом претензий Госбанка. Если залогодержатель оставит за собой непроданное с публичных торгов имущество, он обязан удовлетворить все претензии, пользующиеся преимуществом пред его претензией, но в размере, не превышающем оценки имущества для торгов. В случае, если вырученная от публичной продажи заложенного имущества сумма окажется недостаточной для покрытия претензий залогодержателя, последний имеет право получить удовлетворение из прочего имущества должника в общем порядке.

Исходя из особых интересов кредиторов первого разряда (рабочие, служащие и соцстрах) закон устанавливает, что из первых же предназначенных к распределению сумм они получают удовлетворение, не ожидая каких-либо сроков. Для удовлетворения ликвидационным органом претензий первого разряда (исключая соцстрах) назначен трехдневный срок, по истечении которого кредитор вправе осуществить взыскание на общих началах через судисполнителя. Претензии различных разрядов удовлетворяются в порядке очередности после полного погашения претензий предыдущего разряда. В случае недостаточности сумм для погашения претензии какого-либо разряда, претензии эти удовлетворяются по соразмерности. Впрочем в отношении претензий первого разряда допущено исключение для той части платежей по соцстраху, которая причитается с заработной платы, причитающейся за время по объявлению несостоятельности.

В соответствии с общей линией законодательства, направленной к прекращению предъявления мелких претензий, пост. СНК СССР от 21 декабря воспрещено государственным органам, кооперативным организациям и смешанным акц. обществам предъявление к железным дорогам претензий за просрочку в доставке грузов в сумме менее 10 рублей по отдельной отправке. В соответствии с приведенными выше началами бюджетного порядка новый закон применяется к тем просрочкам в доставке грузов, которые приняты к отправке железными дорогами, начиная с текущего хозяйственного года.

Из других законодательных актов в области хозяйства следует отметить пост. СНК РСФСР от 14 декабря о распространении торговой регистрации на всех владельцев предприятий, перечисленных в ст. 10 Положения о государственном промысловом налоге («С. У.» № 2, ст. 27), а также пост. СНК РСФСР от 1 февраля о мерах содействия успешному проведению всесоюзной переписи мелкой (неценовой) промышленности (Изв. от 19 февраля, № 41), возлагающее ряд обязанностей на местные исполкомы, как по снабжению органов переписи соответствующим кадром работников и помещениями и по вне-

очередной посылке на работу лиц, ранее принимавших участие в переписи и вообще в статистических органах, так и по изданию специальных обязательных постановлений о представлении домоуправлениями списков лиц, имеющих мелкие промышленные предприятия и личные промысловые занятия, об обязанности населения, имеющего промысловые занятия, давать исчерпывающие сведения и о санкциях за нарушение этих постановлений. Вместе с тем, категорически воспрещено использовать сведения, сообщаемые гражданами при переписи, для каких-либо иных целей. Равно воспрещено внесение в программу форм и план производства переписи какие-бы то ни было изменения, не санкционированные ЦСУ РСФСР. Вознаграждение, выдаваемое временным работникам по переписи, освобождено от начислений на социальное страхование, содержание местных комитетов и жилищное строительство.

М. Б.

НОТ в органах юстиции.

Безрегистрационная система делопроизводства в органах прокуратуры.

Принципиальные вопросы, возникающие в связи с переходом на безрегистрационную систему делопроизводства, были освещены на страницах «Еженедельника» в статьях «Новое в делопроизводстве» (№№ 19 и 20) и «Основные принципы реформы управления» (№№ 30, 31, 32). Безрегистрационная система сводится конкретно к отмене всех форм карточек, действующих в прокуратуре, за исключением алфавитной (ф. № 3). Таким образом, отменяются: ф. № 11 (для регистрации производства по уголовным делам), ф. № 17 (для регистрации производства по гражданским делам), ф. № 12 (для регистрации жалоб и заявлений), ф. № 13 (для регистрации рабселькоровских заметок) и ф. № 2 (для регистрации переписки, не относящейся к «делам»).

Сущность безрегистрационной системы заключается в установлении такого порядка делопроизводства, при котором наведение справок по существу движения дела происходит непосредственно по архиву, минуя какие бы то ни было регистрационные записи (за исключением алфавитного указателя—ф. № 3). Смысл безрегистрационной системы заключается в экономии, являющейся следствием отказа от заполнения карточек, и в исчерпывающей справке, которая получается при обращении к архиву. Отрицательной стороной новой системы является то обстоятельство, что справка по архиву длится, как правило, несколько дольше, чем справка по регистрационным формам.

Таким образом, вводя новую систему делопроизводства, мы выигрываем время, затрачиваемое на ведение карточек, зато теряем в скорости получения справок.

Поэтому весь вопрос о приемлемости новой системы сводится к арифметической оценке тех потерь и выигрышей времени, которые ей сопутствуют. Эти потери и выигрыши станут ясными, если мы опишем процесс наведения справки как при новой, так и при действующей ныне системе.

При новой системе, как было сказано выше, из всех форм регистрации сохраняется только алфавитная карточка, на которой записывается фамилия лица, участвующего в деле (подсудимого, жалобника, истца и т. п.), и № наблюдательного производства, жалобы и т. п. При наведении справки технический сотрудник обращается к алфавитному указателю, узнает нужный номер, а затем наводит справку непосредственно по архиву.

При старой системе заводится «деловая карточка», на которой делаются все отметки о движении «дела». Некоторые формы «деловых карточек» (ф. №№ 11 и 17) сопровождалась также алфавитными карточками (ф. № 3). Другие формы деловых карточек (ф. № 12 и 13) хранились в алфавитном порядке и алфавитных указателей не требовали. В зависимости от этого, справка наводилась либо через алфавитную карточку по «деловой», либо непосредственно по «деловой». Исходя из всего сказанного, можно построить такой «баланс» времени на ведение делопроизводства как по новой, так и по старой системе:

Новая система:**А. Название операции.**

1. Запись на групповую алфавитную карточку фамилии лица, участвующего в деле, и № последнего.
2. Предварительная справка по алфавитной карточке
3. Справка по существу в текущем архиве

Б. Расход времени.

1 минута
1 минута
4 минуты

Итого: 6 минут**Старая система:**

1-й вариант: «Деловые» карточки не сопровождаются алфавитными.

А. Название операции.

1. Запись жалобы (заявления) или рабсельскохозяйственной заметки на карточку ф. № 12 или 13.
2. Последующая запись этапов движения жалобы (заявления) или газетной заметки.
3. На ведение справки по карточке ф. № 12 и 13.

Б. Расход времени.

4 минуты
7 минут
1 минута

Итого: 12 минут**Старая система:**

2-й вариант: Деловые карточки сопровождаются алфавитными ф. № 11 и 17.

А. Название операции.

1. Запись на деловую карточку.
2. Запись на алфавитную карточку.
3. Последующая запись этапов движения дела.
4. Предварительная справка по алфавитной карточке.
5. Наведение справки по деловой карточке.

Б. Расход времени.

4 минуты
1 минута
7 минут
1 минута
1 минута

Итого: 14 минут

Новая система делопроизводства, даже при том условии, что справка по архиву длится 4 минуты, а по картотеке 1 минуту, все же выгоднее обоих вариантов старой системы.

Однако, этот расчет нуждается в значительных коррективах. Он строится из того предположения, что по каждому делу (жалобе) непременно наводится справка. Фактически дело обстоит не так. При налаженной системе делопроизводства (отсутствие волокиты, быстрое рассмотрение жалоб, заявлений и т. п.), количество справок естественно уменьшается. Опытные данные говорят, что даже при существующих условиях на 100 жалоб можно ожидать не более 30—40 справок.

При таком положении вещей баланс времени особенно выгоден для безрегистрационной системы.

Построим этот баланс для канцелярии, работающей, например, со 100 жалобами.

Новая система.**А. Название операции.**

1. Запись на групповую алфавитную карточку 100 жалоб.
2. Предварительная справка по алфавитной карточке (исходя из 30 справок на 100 жалоб.
3. Справка по существу в текущем архиве (30 справок по 4 минуты).

Б. Расход времени.

100 минут
30 минут
120 минут

Итого: 250 минут**Старая система.****А. Название операции.**

1. Запись 100 жалоб на карточку ф. № 12
2. Последующая запись этапов движения жалобы.
3. Наведение 40 справок.

Б. Расход времени.

400 минут
700 минут
30 минут

Итого: 1.130 минут

Отсюда видно, что новая система по расходу времени почти в пять раз экономнее старой системы. При уменьшении числа справок до 20 на 100 жалоб, заявлений и т. п., новая система будет экономнее уже в 6 раз, чем старая, и т. д. При пользовании деловыми карточками, сопровождаемыми алфавитными, картотечная система требует еще большего расхода времени. Все приведенные расчеты строились из того предположения, что при старой системе картотека давала исчерпывающую справку. Фактически же бывали случаи (и нередкие), когда даже после получения справки по картотеке все же приходи-

лось обращаться за справкой к наряду. Очевидно, что в таких случаях весь труд на ведение карточек оказывался потраченным зря. Кроме того, наведение двойной справки как по картотеке, так и по архиву требовало значительного расхода времени. Отсюда ясны преимущества безрегистрационной системы, при которой все справочные сведения собраны в одном месте—архиве.

В баланс времени, построенном для новой системы делопроизводства, мы определили срок наведения справки по архиву в 4 минуты. При рационально построенном архиве этот промежуток времени уменьшится, так что в конечном счете разница в скорости наведения справки по архиву и картотеке станет почти незаметной, в связи с чем ведение регистрационных карточек потеряет всякий смысл.

Все эти обстоятельства говорят в пользу безрегистрационной системы делопроизводства. Но экономичность названной системы определяется не только выигрышем времени. Выигрываются также средства, затрачиваемые на приобретение карточек и ящиков для них. Экономится место, занимаемое этими орудиями регистрации, как на столе у работников технического аппарата, так и в архиве и т. п.

Нетрудно определить те условия, при которых введение безрегистрационной системы становится возможным. Эти условия заключаются: 1) в хорошо поставленном архиве, из которого можно получить справку почти так же быстро, как и по картотеке; 2) в достаточно четкой и быстрой работе аппарата, при которой устраняется волокита, а вместе с тем и большая часть справок, возникающих в связи с напоминаниями, и т. п.

Отсутствие этих условий заставило в свое время обратиться к помощи регистрации. В настоящее же время в большинстве органов юстиции создается вполне благоприятная обстановка для проведения шовой системы делопроизводства в виде отмены как «деловых» карточек ф. №№ 11, 12, 13 и 17, так и карточки формы № 2. Об отмене формы № 2 уже писалось в свое время в «Е. С. Ю.» (№ 10 1928 г.).

В заключение необходимо сказать несколько слов о постановке статистического учета при новой системе делопроизводства. При старой системе все статотметки делались в специальных клетках регистрационных карточек. При новой системе карточки отсутствуют; статобозначения же можно проставлять на отдельных листах бумаги, линованных соответствующим образом. На одном листе можно нанести отметки о нескольких десятках жалоб, заметок и т. д.

Отдельные положения настоящей статьи находят практическое подтверждение в материалах местных органов юстиции. Об этом нам пишут: прокурор Тульской губ., секретарь Кузнецкой окружной прокуратуры тов. Федоренко, внесший проект, отменяющий ф. № 12 (по жалобам и заявлениям), Новгородская прокуратура, Дальне-Восточная, Костромская и Владимирская.

Все это позволяет считать вопрос о переходе на безрегистрационную систему достаточно назревшим и требующим разрешения в ближайшее время.

Принимая во внимание, что отмена регистрации коренным образом изменяет существующую систему делопроизводства, мы полагаем более целесообразным проводить реформу в порядке постепенности, начав ее с участковых прокуратур, в которых объем деятельности незначителен, в связи с чем неизбежные на первых порах ошибки смогут быть быстро обнаружены и ликвидированы. Возможно также ограничиться на первых порах лишь частичной постановкой безрегистрационной системы путем отмены в виде опыта какой-либо одной формы карточек, например, ф. № 12, и лишь затем, посредством поочередной отмены остальных форм №№ 11, 13 и 17, добиться полного проведения реформы. Обобщенный и уточненный опыт постановки новой системы может быть уже легко перенесен на делопроизводственный аппарат окружных и губернских прокуратур. Однако, в тех случаях, когда технический персонал названных органов юстиции окажется достаточно подготовленным, новую систему возможно поставить и без предварительного опыта на участковых камерах.

Вообще говоря, следует отметить, что безрегистрационную систему легче всего осуществить в тех органах юстиции, в которых делопроизводство наиболее налажено.

Поэтому обсуждение новой системы на местах позволит легче всего выявить существующие в канцелярском деле недочеты. Разумеется, что о принудительной постановке безремстративной системы «во что бы то ни стало» в полном объеме, во всех органах прокуратуры не может быть и речи; это мероприятие может проводиться в жизнь лишь при наличии объективных предпосылок, о которых было сказано выше, и только после тщательного обсуждения на совещаниях технических работников.

Л. Фрадкин.

На местах.

Как прошли перевыборы нарзаседателей в Мурманске.

В феврале 1929 г. пленум Мурманского окрсуда заслушал итоги о перевыборной кампании нарзаседателей на 1929 г. Как пленум отметил: увеличился процент участия трудящихся на перевыборных собраниях—в прошлом году участвовало 45%, а в этом году 52%. Возрос актив участия женщин и улучшился по сравнению с прошлым социальный состав нарзаседателей.

В прошлом году по городу Мурманску было избрано 457 ч. и на 1929 г. избрано народных заседателей 486 чел. О перевыборной кампании был проработан вопрос и согласован с окружкомом, окрисполкомом и окрпрофбюро. По линии окружкома и исполкома было выпущено обращение к трудящимся, а также для проведения кампании была организована избирательная комиссия. В нашей местной печати были помещены ряд статей по перевыборам нарзаседателей. Всего проведено собраний с постановкой отчетов о работе суда 40. Процент избирателей возрос по сравнению с прошлым годом на 7,8%, а всего на собраниях присутствовало 1570 чел. Из них мужчин—53,5% и женщин—36,5%. В прениях выступило 150 человек и задано вопросов докладчикам 387. В своих резолюциях трудящиеся предложили: усилить репрессивные меры по отношению к злостным растратчикам, усилить борьбу с должностными преступлениями, принять меры к устранению шинкарства, сократить до минимума прохождение трудовых дел в суде, добиться организации принудителю как в городе, так и в деревне, принять меры вовлечения нарзаседателей в юркружки и т. д.

Среди избранных 365 чел. мужчин—в прошлом году их было 327—121 женщина, а в прошлом году их было 130 чел. Здесь мы видим, что состав женщин понизился на 4,4%. По социальному составу: в прошлом году рабочих было 302 ч. или 66,1%, теперь 354 или 72,8%. Служащих мы в прошлом видели 123 чел., а теперь 108 чел. или на 4,93% меньше, за счет их и за счет процента домохозяек возрос социальный состав рабочих. По партийности: членов ВКП(б) в прошлом году было 135 ч. или в процентном отношении составляют 29,5%, теперь 147 чел.—29,93%, как мы видим увеличение незначительное, но зато рост членов ВЛКСМ показательный: было 62 чел.—13,6%, теперь 85 чел.—17,4%, беспартийных было 260 чел.—56,9%, теперь 254 или 53,3%. В окрсуд намечено 60 чел. нарзаседателей и в нарсуд 426 чел. Вот таковы итоги кампании по перевыборам очередных судей на 1929 год.

Член окрсуда *Бобкин.*

г. Мурманск.

Страхование батрачества на Дальнем Востоке.

Постановление XV партийного съезда о работе в деревне нашло свое практическое применение на Дальнем Востоке в области социального страхования батрачества.

Социальным страхованием охвачено из 9 округов ДВК—4 наиболее крупные: Владивостокский, Амурский, Читинский и земледельческий—Сретенский. В этих округах учтено 17.143 батрака и пастуха, из которых: в единичных крестьянских хозяйствах—13.562 чел. и у групповых домохозяев—1542 и в сельских обществах пастухов—2039.

Шестимесячный опыт работы по страхованию батрачества и пастушества показал, что органы социального страхования приступили к работе с недостаточно проработанным материалом; так, в 4 округах к социальному страхованию привлечено—2633 страхователя; что они представляют по социальным группам,—учета нет, так же недостаточно внимательно подошли к этому вопросу и первичные организации союза сельхозработников, которые не только не популяризировали социальное страхование, но даже не помогали органам соцстрахования в их работе на селе, такую же пассивность оказали и сельсоветы, результатом чего явилось то, что из 17143 учтенных батраков и пастухов застраховано только—2904 чел. или около 17%.

Случаев сопротивления кулака, зажиточного элемента, социальному страхованию, как общее явление, не было, хотя единичные случаи нежелания страховаться были, вследствие чего против 11 нежелателей возбуждено уголовное преследование за нежелание страховаться батраков.

Страхователи платят исправно страховые взносы, некоторые даже вперед при застраховании батрака за 3—4 месяца сразу, некоторые платят в конце сезона. Случаев начисления пени за неплатеж страховых взносов было 3.

Как правило, страхование проводится не менее, чем на месяц, но в Амурском округе во время сельско-хозяйственных работ (уборка хлеба) страхование проводили даже на 4 дня.

Несмотря на то, что страховые взносы платятся в большинстве вперед, все же по Амурскому округу насчитывалось около 6000 р. задолженности, в силу чего страховая касса задержала ликвидацию сезонной страховой сети до февраля с. г., к которому времени значительная часть задолженности была погашена.

Для исчисления взносов на соц. страхование и выдачу пособия был взят средний заработок батрака в 25 руб.

Пособия батракам выдавались по предъявлению бюллетеня, выплата производилась как в страховом органе, так и на выплатных пунктах, которые слишком редки территориально и это вызывало затруднения, т. к. батрак должен был ходить на далекое расстояние за получением пособия.

Среднее количество дней временной нетрудоспособности по краю в среднем выражается в 15—18.

Несмотря на значительную большую сумму поступления страховых взносов (15923 р. 88 к.) сумма выданных пособий чрезвычайно мала (455 р. 54 к.) и составляет только 3%.

Все это указывает на то, что страховое просвещение у нас развито слабо. Поэтому бюро пропаганды права органов НКЮ, политпросвету, так же как и органам соцстрахования и профсоюзам популяризацию этого законодательства необходимо включить в план своей работы. Кроме этого работники органов юстиции, выезжая в деревню, должны одновременно с обследованием сельсоветов, рик'ов, знакомиться также и с проведением на селе законодательства о труде и соцстраховании.

Ст. Пом. Прокурора ДВК по трудовым делам *Поляков.*

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Содержание: Циркуляры НКЮ №№ 16, 28, 29 и 33. Дополнение таксы сборов за нот. действия вигов и сельсоветов.

Циркуляр № 28.

ВСЕМ КРАЕВЫМ, ОБЛАСТНЫМ И ГУБЕРНСКИМ СУДАМ.

Об освобождении от обязательного нотариального удостоверения договоров и сделок, заключаемых коммунальными хозяйствами с состоящими при них коммунальными трестами.

Совет Народных Комиссаров РСФСР постановлением от 13 февраля 1929 года (прот. № 23) признал необходимым освободить от обязательного нотариального удостоверения договоры и сделки, заключаемые коммунальными хозяйствами с состоящими при них коммунальными трестами.

Освобождение от обязательного нотариального удостоверения не должно, однако, распространяться на договоры и сделки, заключаемые коммунальными трестами между собой. К этим договорам и сделкам должны применяться правила статьи 137 Гр. Кодекса.

Верховный Суд предлагает нотариальным конторам принять это распоряжение к исполнению.

Зам. Народного Комиссара Юстиции Председатель
Верховного Суда **Стучка.**

Председатель Кассколлегии по Гражданским
Делам **Нахимсон.**

5 марта 1929 г.

Циркуляр № 29.

ВСЕМ КРАЕВЫМ, ОБЛАСТНЫМ И ГУБЕРНСКИМ СУДАМ.

Копия: НКЮ автономных республик.

Об отчетности по выполнению судами директив Правительства по уголовно-судебной политике.

1. В целях проверки выполнения судебными органами постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 года по уголовно-судебной политике, Н. К. Ю., в дополнение к циркуляру № 5—1929 г., предлагает, в виде временной меры, ввести по всем судам месячную отчетность о применении мер социальной защиты к осужденным по уголовным делам по следующей форме:

С В Е Д Е Н И Я:

о примененных мерах социальной защиты по.....суду
за.....месяц 1929 г.

	По всем преступлен.	И з в е с т и я	
		За хулиган- ство (ст. 74 УК)	За кражу (ст. 162 УК).
1. Общее число осужденных в том числе приговоренных	—	—	—
2. К условн. лиш. свободы	—	—	—
3. К безусловн. лиш. свободы	—	—	—
На срок:			
а) до 6 месяцев	—	—	—
б) до 1 года	—	—	—
в) свыше 1 года	—	—	—
4. К принудител. работам	—	—	—
5. К штрафу	—	—	—
6. К прочим мерам соц. защ.	—	—	—

2. Сведения по указанной форме представляются не позднее 3-го числа месяца следующего за отчетным в ИРО соответствующих губернских, областных и окружных судов.

3. Сводные данные по губерниям и автономным областям, не входящим в краевые объединения, высылаются в НКЮ не позднее 10-го числа месяца, следующего за отчетным отдельно по народным судам и по губернским или областным судам.

4. Сводные данные по округам представляются с соблюдением тех же сроков в соответствующие краевые и областные суды, которые не позднее 20 числа месяца, следующего за отчетным, высылают НКЮ отдельно по краевому или областному суду, по окружным судам и по народным судам.

5. По получении настоящего циркулярного письма должны быть немедленно собраны и высланы сведения за январь и февраль 1929 г.

В дальнейшем соблюдать сроки, указанные в п.п. 2—4.

6. На председателей судов возлагается личная ответственность за точное соблюдение требований настоящего письма.

Зам. Народного Комиссара Юстиции **Стучка.**

Член Коллегии НКЮ **Стельмахович.**

6 марта 1929 г.

Инструкция **НКВД № 68,**
НКЮ № 16.

По применению постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 18 февраля 1929 года «о мероприятиях по обеспечению поступлений платежей за проданные в рассрочку с.х. машины и орудия».

1. На основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 18 февраля 1929 года взыскание в бесспорном порядке, установленном для взимания налогов, производится по обязательствам за купленные в рассрочку сельско-хозяйственные машины и орудия (машинные обязательства), независимо от того, облечены ли они в форму, предписанную циркуляром НКЮ № 122—1926 г., или в форму обычного ссудного обязательства, установленную НКЮ в циркуляре НКЮ № 42—1925 года, если текст этого последнего обязательства содержит указания, что платежи следуют за машины и орудия, купленные с рассрочкой платежа, или, если указано, что ссуда взята на покупку машин.

2. Взыскание подлежащей получению суммы осуществляется учреждениями с.х. кредита следующим порядком:

а) по каждой претензии составляется учреждением с.х. кредита ордер (с копией), который должен содержать в себе наименование должника, его адрес, сумму, подлежащую взысканию, срок и размер процентов и пени, а также ссылку на постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 18 февраля 1929 года, на основании которого производится взыскание;

б) означенный ордер должен быть подписан правлением учреждения с.х. кредита и снабжен печатью; копия ордера должна быть оставлена в делах учреждения с.х. кредита;

в) к означенному ордеру при передаче для взыскания прилагается подлинное машинное обязательство.

3. В тех случаях, когда принадлежащие учреждениям с.х. кредита машинные обязательства находятся на ответственном хранении у машино-торговых организаций (сельхознабы и с.х. кооперативные организации), ордер составляется означенными организациями. На машинных обязательствах, направляемых ко взысканию, в этих случаях должна иметься особая отметка машиноторговой организации о том, что данное обязательство принадлежит определенному учреждению сельско-хозяйственного кредита.

4. Составляемые машиноторговыми организациями ордера должны содержать в себе все сведения, указанные в п. 2-м настоящей инструкции. Суммы, взысканные по ордерам машиноторговых организаций, немедленно передаются непосредственно органом взыскания тому учреждению с.х. кредита, которому принадлежит машинное обязательство.

5. Взыскание по машинным обязательствам, снабженным ордерами, производится сельскими советами по поручению районных или волостных исполнительных комитетов, а в городских поселениях—соответствующими органами.

6. Все действия по взысканию платежей по означенным документам: производство описей, продажа с публичного торга имущества должников и проч. производится в порядке взыскания единого сельско-хозяйственного налога. О взысканных суммах делается отметка органами взыскания на подлинных обязательствах.

7. Все исполнительные действия по взысканию означенных платежей должны быть производимы сельскими советами в срочном порядке.

Народный Комиссар Юстиции РСФСР **Янсон.**

Зам. Народного Комиссара Финансов
РСФСР **Левин.**

Народный Комиссар Внутренних Дел
РСФСР **Толмачев.**

6 марта 1929 г.

Дополнение таксы сборов за нотариальные действия волостных исполнительных комитетов и сельских советов.

О порядке взимания нотариального сбора по исполнительным надписям на взыскание просроченных ссуд, полученных от кредитно-кооперативных организаций, и об освобождении от нотариального сбора исполнительных надписей по взысканию отчислений в пользу профсоюзов по трудовым договорам.

В дополнение к таксе сборов за нотариальные действия вик'ов и сельсоветов («ЕСЮ» № 17 и «Распоряжения НКФ РСФСР» № 16) Народные Комиссариаты Юстиции и Финансов постановляют:

1. Ст. 8 указанной таксы дополняется примечанием следующего содержания:

Примечание (к ст. 8). Плата по таксе за исполнительные надписи по взысканию с должников и их поручителей просроченных ссуд, полученных от кредитно-кооперативных организаций всех видов и степеней, взыскивается с должников при приведении исполнительных надписей в исполнение.

2. Кроме документов, указанных в перечне изъятий по нотариальному сбору за нотариальные действия вик'ов и сельсоветов, подлежат освобождению от нотариального сбора исполнительные надписи вик'ов, рик'ов и соответствующих исполнительных комитетов на взыскание отчислений на сумму не свыше 20-ти рублей в пользу профсоюзов по трудовым договорам найма батраков и пастухов и по расчетным листам по этим договорам.

Зам. Народного Комиссара Юстиции РСФСР
Председатель Верховного Суда **Стучка.**

Зам. Народного Комиссара Финансов РСФСР **Левин.**
8 марта 1929 г.

Циркулярное письмо № 33.

**Всем краевым, областным и окружным судам,
областным, краевым и окружным прокуратурам.**

О задачах суда и прокуратуры в борьбе за укрепление трудовой дисциплины.

Перед страной стоит огромная задача добиться такого снижения себестоимости продукции, которая обеспечивает необходимое для установленного темпа индустриализации внутрипромышленное накопление (повышение производительности труда на 17% при одновременном повышении зарплаты на 7% дает снижение себестоимости на 7% или 700 миллионов рублей внутрипромышленного накопления).

Эта задача может быть выполнена лишь при наличии твердой, сознательной, неуклонной трудовой дисциплины и самого бережного отношения к производству. Имеющиеся данные за первый квартал дают основание опасаться срыва намеченного плана. Обострение классовой борьбы и трудности социалистического строительства вызывают шатания и колебания, просачивающиеся в среду рабочего класса через новые слои рабочих, недавно пришедших на фабрики. Эти шатания проявляются и в цеховщине, рвачестве, в несознательном отношении к производству, в хищениях и вредительстве.

В связи с указанными явлениями Совет Народных Комиссаров в своем постановлении от 5 марта 1929 года предложил обеспечить твердую линию борьбы с нарушениями трудовой дисциплины, как при рассмотрении трудовых конфликтов, так и при рассмотрении уголовных дел о порче оборудования, инструментов, материалов, хищениях, хулиганских поступках, совершенных на предприятиях, угрозах, оскорблениях и насилии в отношении административно-технического персонала и т. п.

Во исполнение постановления СНК Народный Комиссариат Юстиции предлагает к неуклонному исполнению:

1) судебным органам не принимать к рассмотрению иски о восстановлении в должности, вследствие увольнения, связанного с нарушениями правил внутреннего распорядка (п. п. «г» и «е» ст. 47 КЗоТ), во всех тех случаях, когда уволенный не обращался предварительно за разрешением конфликта в РКК или решением РКК увольнение признано правильным;

2) в тех случаях, когда не достигнуто соглашения в РКК или когда увольнение отменено органами труда в порядке надзора, судебные органы должны при проверке оснований увольнения исходить не только из оценки данного конкретного проступка, но и из того, какие последствия имели или могли иметь эти проступки в деле нарушения трудовой дисциплины. Появление на работе в нетрезвом виде, небрежное отношение к работе и т. п., даже в первый раз, которое повлекло или могло повлечь за собой порчу машин, инструмента и т. д., — во всех таких случаях увольнение надо признать правильным, хотя бы по табели взысканий за эти нарушения полагалась бы более мягкая мера взысканий;

Примечание. При признании факта нарушения трудовой дисциплины вовсе не доказанным, судебные органы должны вскрыть действительную причину увольнения (протекционизм, кумовство, преследование за рабкорство и т. п.) и привлечь виновных к уголовной ответственности.

3) особенную твердость и жесткость органы суда и прокуратуры должны проявлять по отношению к виновным в хулиганских проступках на производстве, выражающихся в угрозах и насилии над административно-техническим персоналом, порче оборудования, материалов предприятия, хищениях инструментов, продукции и сырья предприятия и т. п.;

4) твердость и жесткость в борьбе со злыми прогульщиками, хулиганами и вредителями на производстве должны распространиться и на административно-технический персонал предприятий, которые проявляют послабления по отношению к прогульщикам и нарушителям трудовой дисциплины неприятием мер по наложению административных взысканий, согласно постановления СНК от 6 марта 1929 года; в частности, также должны пресекаться всякое проявление протекционизма, кумовства при найме рабочих, несоблюдение правил по охране труда, так как это вносит в среду рабочих элементы разложения и влечет за собой падение трудовой дисциплины;

5) органы суда и прокуратуры должны принять срочные меры к ускорению рассмотрения дел, связанных с нарушением трудовой дисциплины, проявлением хулиганства и вредительства на предприятиях;

6) прокуратура на местах должна усилить надзор при рассмотрении указанных дел как в судах первой инстанции, так и кассационной инстанции, опротестовывая решения, противоречащие указанным директивам как в порядке кассационном, так и в порядке надзора, доводя об этих случаях до сведения Прокуратуры Республики;

7) особо органы прокуратуры должны усилить надзор за деятельностью органов примирительно-третейского разбирательства и органов труда и в случаях установления незаконности их постановлений, в особенности в отношении рваческой, недисциплинированной, деклассированной части рабочих, опротестовывать в порядке ст. 45, утвержденной ЦИК и СНК Союза ССР 29 августа 28 года (правила примирительно-третейского рассмотрения трудовых конфликтов).

По степени правильности и неуклонности проведения указанных директив в жизнь Народный Комиссариат Юстиции будет судить об уровне понимания своих задач в нынешних условиях социалистического строительства местными органами суда и прокуратуры.

За Народного Комиссара Юстиции
и Прокурор Республики **Н. Крыленко.**

15 марта 1929 г.